

Виктор Ночкин

СОБИРАТЕЛЬ ЗЛА

Собиратель зла

Виктор Ночкин
Собиратель зла

«Автор»

2009

Ночкин В.

Собиратель зла / В. Ночкин — «Автор», 2009 — (Собиратель зла)

Мир, окруженный колдовской Завесой, ждал героя – и герой пришел. Юноша по имени Корди отправляется в путь, чтобы сразиться со злом. Волки-оборотни, разбойники, могущественные Лорды Тьмы – чем страшней противник, тем лучше. Поэты слагают песни о подвигах Корди, люди устраивают пиры и шествия в его честь, но что движет героем? И что ждет его в конце пути? Люди, прославляющие Корди, не догадываются, что его полное имя – Кордейл Крыло Ночи, сын и наследник Лорда Тьмы. И это не единственная тайна победителя чудовищ.

© Ночкин В., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Пролог	6
1	18
2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Виктор Ночкин

Собиратель зла

© Ночкин В., 2009

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2009

* * *

Пролог

Лето заканчивалось – и осада должна была завершиться в ближайшие недели. Орден не мог позволить себе затянуть кампанию до начала дождей – в раскисшем грунте увязнут осадные машины, штурм станет невозможен... Все лето, шаг за шагом, галереи и осадные башни ползли к стенам замка Кордейл. Каждая пядь щедро оплачена кровью и смертью – нельзя допустить, чтобы гибель воинов света оказалась напрасной. Замок должен пасть!

Поначалу Граф ежедневно устраивал вылазки и разрушал все, что было достигнуто ночными трудами осаждающих. Лорд Тьмы будто смеялся над орденскими братьями – он позволял вести осадные работы по ночам, а сам атаковал при солнечном свете. Но мало-помалу ров удалось засыпать, а защитные галереи братья подвели к подножию стен справа и слева от ворот. Сейчас к portalу двигали башню, оснащенную тараном. Тяжкий труд, но когда он завершится, Кордейл неминуемо падет.

Магистр Ордена, добрый Могвид оглядел укрепления, щедро залитые красным светом заката. Серые стены наполовину скрывались за помостами, на которых расположились арбалетчики. Осадные сооружения блестели свежеструганной древесиной. Какие эти по счету? Третьи? Или уже четвертые? Граф раз за разом сжигал галереи, орденские воины возводили новые...

Стрелки расхаживают по галереям, белые плащи кажутся розовыми в закатном свете. Время от времени кто-то из них останавливается и склоняется над бойницей – арбалетчикам велено стрелять всякий раз, едва заметят движение на крепостной стене. Орден долго готовился к осаде, в лагерь свезли огромные запасы. Не жалко потерять сотню болтов, даже две или три сотни – лишь бы замок Кордейл лишился еще одного защитника. Оружие можно подвезти, но Графу неоткуда взять новых бойцов.

За помостами – стены. Даже красный свет низкого солнца не в силах перекрасить мрачный серый камень укреплений. Замок Кордейл – логово Лорда Тьмы. Тяжелый, страшный, грозный...

Отсюда, из лагеря, не видать подножия стен, но Могвид знает – там все бело от плащей мертвецов. Не может быть, чтобы такие потери оказались напрасны, замок должен пасть! Могвид пошел на великие жертвы – и дело не только в погибших братьях и кнехтах. Магистр привел к Кордейлу такого союзника, что грех сей не замолить до конца дней. Страшный союзник, мерзкий союзник... Но если удастся свалить Графа – игра стоила свеч. Что значит погубленная душа магистра в сравнении с таким призом? Могвид вздохнул. Да, этот грех он взял на себя... Магистр еще раз поглядел на Кордейл. Горизонт приближался в три шага, и каждый – другого цвета. Первый – галереи арбалетчиков. Желтая древесина, белые спины солдат, все светлое. Второй – серые стены замка. Третий – Черная Гора. Даже мрачный зубчатый бруствер Кордейла кажется не таким уж темным на фоне скал. Жилые помещения замка вырублены в черном камне, тянутся на сотни шагов во чрево горы... возможно, даже противоположного склона. Неизвестно, выходят ли коридоры замка Кордейл к дальнему, восточному скату. Если так, под ними больше трех сотен футов отвесного спуска, к подножию подступают дикие заросли.

Могвид не велел стеречь восточный склон – слишком опасно, да и ни к чему. Что там охранять, в лесу? Никому не под силу спуститься из Кордейла... и уж тем более взобраться по отвесным скалам. Единственный вход в замок – здесь, с запада, и воины Ордена уже прошли большую часть пути.

Магистр тяжело вздохнул и побрел по лагерю. Встречные останавливались, приветствовали военачальника поклонами, добрый Могвид отвечал короткими кивками. Чем дальше от стен – тем меньше встречных. Потом – отхожее место и свалка. Могвид распорядился поддер-

живать в лагере порядок и не разводить вонь. Хватит и того смрада, который время от времени приносит ветер из-под стен Кордейла. Сейчас лето, все быстро разлагается, гниет, смердит... Магистр пошел в обход гигантской выгребной ямы, устроенной на краю лагеря. Жуткая вонь, но нынешнему союзнику Ордена запах не претит. А его подручным? Слуги барона – обычные люди, им наверняка тяжело переносить ароматы выгребной ямы, но страх перед господином сильнее отвращения. С другой стороны, если они служат этому мерзкому созданию, что им запах человеческих экскрементов?

Вот и стан барона Лажваша. Здесь все не похоже на лагерь Ордена. Вместо белых палаток, установленных ровными рядами, – круг темных шатров. Вассалы Лажваша расположились на порядочном отдалении от самого большого шатра – резиденции господина. Должно быть, подумалось магистру, будь у несчастных такая возможность, они бы устроились еще дальше. Да хоть в самой выгребной яме – лишь бы отдалиться от темно-зеленого шатра барона. Магистр снова вздохнул и направился к темному кругу.

* * *

Между шатров показался страж. Бросил взгляд на белый плащ магистра, посмотрел в лицо... и отступил на полшага – показал, что Могвид имеет право войти в круг. Когда магистр поравнялся с солдатом, тот отвернулся. Бледный, худощавый, как и все люди барона. Зеленое сукно, темный металл доспехов.

Могвид не стал кивать или здороваться – много чести для прислужника Тьмы. Пускай сегодня господин этого человека союзник Ордена, но едва замок Кордейл падет – а случится это не позднее чем через две недели, – барон Лажваш станет врагом, и его слугам пощады не будет, стоит им показаться за пределами Лажвашевых земель. Скорей бы уже...

Магистр прошел мимо солдата и направился к большому шатру. Здесь не было ни охраны, ни почетного караула – да и кому придет в голову соваться со злым умыслом в обитель Лорда Тьмы? Могвид остановился у входа и позвал:

– Барон? Могу я войти?

– Да, магистр. Прошу вас.

Добрый Могвид вздохнул в третий раз, аккуратно отвел в сторону тяжелые складки темно-зеленой ткани и вступил в полумрак – будто нырнул в болото. Воздух внутри казался осязаемо тяжелым, студеным и был пропитан смрадом. Снаружи – летняя жара, так что контраст мог ошеломить пришельца, не будь тот готов к подобному. Магистр затаил дыхание – к этой атмосфере следовало привыкать постепенно, делая неглубокие вдохи. Это объяснил сам барон, когда Могвида вывернуло во время первого посещения. Лажваш очень серьезно и без тени насмешки объяснил, что делать и как вести себя, чтобы вынести тяжелый воздух внутри шатра. За эту великодушную серьезность Могвид был бы благодарен барону, если бы имел право испытывать благодарность к такому существу. Обет воспрещает. Но как бы там ни было, теперь Могвид не блевал и не удивлялся увиденному. И был готов к царящему внутри холоду.

По периметру шатра выстроились сундуки и невысокие кофры. Жилище барона служило одновременно походной лабораторией – на полках тускло поблескивали ровные ряды сосудов из дорогого стекла, украшенные чеканными накладками шкатулки и медные кольца, стягивающие пробки кувшинчиков. Отвратительное зрелище. Отблески пламени медленно бродили по гладким поверхностям. Даже пламя в обители зла иное – застывающее, тягучее, тени едва движутся.

Барон, как обычно, сидел над жаровней в центре – мягкая бесформенная груда, слизняк, укутанный в когда-то дорогие, но свалившиеся меха. Ядовитый слизняк. Руки, протянутые к огню, казались полупрозрачными, будто плоть барона и впрямь была подобна студню. Скрытые пальцы дрожали.

– Говорите, магистр. Я знаю, что вам неприятно здесь находиться. Говорите и ступайте прочь.

– Лето на исходе. Нужно заканчивать.

– Осадные работы проходят успешно, – заметил барон. Его ответ не звучал согласием или возражением. Впрочем, слова магистра не были сформулированы как вопрос. Оба знали, что осадные работы движутся и что осада должна завершиться до того, как зарядят дожди.

– В этом заслуга моих людей. Я пригласил вас в поход. Барон, вам понятно, что это решение значит для меня? Барон Лажваш Моровая Язва?

Могвид произнес полный титул Лорда Тьмы.

– Разумеется, понятно, магистр. Вас осудят современники – в любом случае. И осудят потомки, если Граф Кордейл устоит. Но он не устоит. Кстати, вы недооцениваете мое участие.

– Я его не вижу. Ваши арбалетчики ночами обстреливают замок, но...

– Но что? Уже две недели Граф не совершает вылазок. Как полагаете, почему?

– Он потерял много людей...

– Правда? – В голосе барона не было иронии. – Много ли солдат Кордейла уложили ваши люди?

– Уж не хотите ли сказать, что ночные обстрелы более действенны?

– Поглядите, магистр, – барон только теперь обернулся и поглядел на гостя. – Поглядите, какие болты у моих стрелков.

Магистр сделал шаг и согнулся, чтобы рассмотреть, что именно протягивает барон. Странный снаряд, вместо кованого трехгранника болт оканчивался полый решеткой, под темным металлом блестело гладкое стекло. Могвид выпрямился – дал понять, что не возьмет в руки мерзость. Барон поднес снаряд к жаровне – под стеклянными стенками проступило зеленоватое содержимое.

– Какой замечательный цвет... зеленый, насыщенный, но не напоминает изумруд. Интересный оттенок.

– Что это?

– Именно то, что вы сами сказали, магистр.

– Я?

– Когда поименовали меня полным титулом.

Барон Лажваш Моровая Язва – таково официальное имя Лорда Тьмы, одного из Семи Спасителей Мира.

– Так это отравы? Вы обстреливаете замок...

– Да. При ударе о камень стекло разбивается, яд выходит наружу. Они все больны, в Кордейле. Кто переносит лучше, кто хуже. Графу я не могу повредить, таков договор. Но его люди ослабли.

– Однако они не умирают?

– Кордейл – такой же Лорд, как и я. Ему вполне по силам противостоять моему злу. Но пока они преодолевают заразу, вылазки прекратились. Благодаря этому ваши люди подобрались под самые стены замка и засыпали ров.

– Этот успех дорого обошелся Ордену, – пробормотал магистр.

Оружие барона могло бы уничтожить гарнизон любого города или любой крепости, одолеть армии, свалить самых сильных воинов... Это угроза, конечно.

– Надеюсь, нам это не повредит? Ваше оружие?

– Нет, тому залогом – жизнь моего сына. Я собираюсь быть честным с Орденем и соблюдать все клятвы. Вам ведь ясны мои мотивы?

– Не вполне. Очевидно ваше желание стать одним из Шести, а не одним из Семи. Что-то еще?

– Я не меньше вашего заинтересован в том, чтобы помешать собирателю. Когда Граф Кордейл падет – исчезнет одна из точек силы. Даже уничтожив оставшихся Лордов, завладев всем, что делает их... делает нас Лордами, – даже тогда собиратель не обретет количества зла, необходимого для...

– Да, я понимаю. Конечно. Что же, в этом есть логика. Но мы, Орден...

– Если вам удастся свалить еще кого-то – это тоже затруднит задачу будущего собирателя и, стало быть, на руку мне. На меня вы не посягнете, это условие договора между нами.

– Но если мы одолеем шестерых? Мы, Орден?

Груда меха пошевелилась – барон пожал плечами.

– Если я останусь последним, договор утрачивает силу. Надеюсь, вы не заставите моего сына выступить против родителя?

– Я вообще не уверен, что при жизни этого поколения у Ордена достанет сил одолеть хотя бы одного из Лордов. К взятию Кордейла мы готовились двадцать лет... и успех пока не очевиден.

– Он очевиден, магистр. Верней, станет очевиден завтра.

– Да, завтра. Осадная башня встанет на позицию.

– Если Граф не разрушит ее. Завтра он снова сделает вылазку, готовьтесь.

– Проклятье. Вы сулили, что вылазок не будет!

– Разве? Нет, такого я не говорил. Я лишь напомнил, что Лорд Кордейл Крыло Ночи, – барон произнес полный титул собрата, – давно не пытался помешать осадным работам. Он так же, как и вы, готовится к завтрашнему дню. Все решится завтра. И я пойду с вами. В первый и последний раз. Предупредите своих людей. Завтра вы станете свидетелем поединка Лордов Тьмы... хотя это будет вовсе не романтично. Нет.

* * *

С рассветом лагерь Ордена пришел в движение. Осадной башне осталось сделать последний, завершающий переход. До сих пор ее влекли упряжки быков, теперь приведут в движение кнехты, для этого специально отобрали самых крепких, вот они уже выстраиваются для осмотра. Добрый Могвид прошел между шеренгами.

– Братья... Добрые братья мои! Ныне – великий день. Жаль, что солнце скрыто за Черной Горой, ему не удастся стать свидетелем великого подвига. Но знайте – весь мир, затаив дыхание, следит за вами. Если удастся ныне взять Кордейл, свалить Графа – это станет гибелью Лорда Тьмы, первого из Семи Спасителей Мира! Первого! Разумеется, Кордейл силен, он готовится дорого продать свою жизнь, но мы согласны уплатить любую цену.

Магистр обернулся – по другую сторону выстроились братья рыцари, за ними – оруженосцы и стрелки. Этим предстоит сражаться врукопашную, пока солдаты в башне будут заняты тяжким трудом.

– Сегодня состоится битва. Барон Лажваш выступит на нашей стороне. Я требую, чтобы ему и его людям не было нанесено ни малейшего оскорбления, хотя это и противно уставу Ордена. Ныне он наш союзник... С помощью Лажваша мы одолеем Кордейла.

Воины в белых одеждах молчали, им было известно о великой жертве магистра, который взял на себя грех и пожертвовал собственной душой во имя победы. Его потеря куда весомей ран и гибели, ожидающих соратников доброго Могвида. Что телесные страдания в сравнении с подобным?

– Во имя Света, – заключил магистр, – пойдем мы в бой. Вознесем напоследок молитвы, прежде чем отправляться на штурм...

Шеренги воинов, громыхнув доспехами, дружно опустились на колени. Десятки, сотни голов склонились в едином жесте, сотни губ зашевелились, беззвучно повторяя слова молитвы...

Негромкий ропот, нависший над коленопреклоненными воинами, прервал хриплый зов труб – тревога! Трубачи, надрываясь, призывали в бой, Граф Кордейл начал вылазку с рассветом. Прежде он никогда не выступал раньше полудня, но сегодня подстерег орденских во время молитвы. Значит, в самом деле не уверен в исходе, раз стремится воспользоваться малейшим преимуществом.

– С нами Свет, братья! – заорал магистр. – В бой! По местам!

Стройные шеренги развалились, белые воины, расталкивая друг друга, бросились в стороны – каждый к своему посту. Арбалетчики – на галереи, команда штурмовой башни – к гигантскому сооружению, замершему в полете стрелы от стен замка, братья рыцари – к коновязям, где грумы уже отвязывали волнующихся лошадей...

Добрый Могвид замер посреди суеты – он легко различал порядок и целеустремленность там, где постороннему мог бы почудиться хаос. Магистр был доволен, его люди действуют спокойно и решительно.

Позади раздалось мерное бряцание металла. Магистр оглянулся – белые плащи поспешно расступались, между ними показались зеленые одеяния и тусклый металл доспехов. Лажваш, как и обещал, готовился принять участие в схватке. Лорд Тьмы шествовал пешком, металл, покрывающий с ног до головы приземистого, коренастого барона, колыбался и дребезжал, будто его наполнял студень. За господином шагали угрюмые оруженосцы в легких доспехах, за ними – арбалетчики, десятка два или даже больше. Прямоугольные щиты в рост человека, которые стрелки закинули за спины, были выкрашены в темно-зеленый цвет, арбалеты они несли на плечах, крючки уже были подвешены к поясам.

Магистр отвернулся и поглядел на замок. Створки ворот Кордейла медленно расходились, в проеме было не видать ни единого человека. Значит, Граф выстроил своих людей подальше от входа. Потом обзор закрыли отряды кавалерии, спешащие преградить путь врагу.

– Магистр...

Могвид обернулся – оруженосец протягивал повод. Боевой конь Могвида, невозмутимый, как и хозяин, стоял спокойно. Магистр принял поводья и взгромоздился в седло. Рослый, восседающий на крупном жеребце, теперь он видел, что происходит перед входом в Кордейл. Видел стрелков, торопливо бегущих по галереям, видел кавалерию, занимающую позиции...

С душераздирающим скрипом осадная башня содрогнулась и пришла в движение – четыре этажа дубовых бревен и досок, обтянутых бычьими кожами, пропитанными негорючими составами, которые предоставил барон Лажваш. Восемь чудовищных колес – каждое выше человеческого роста, больше сотни солдат... И окованный сталью таран, направленный в ворота Кордейла, откуда уже поплыли первые клочья темноты.

* * *

Граф Кордейл выстроил своих людей в глубине двора – там, где не могли достать стрелки Ордена. Смотрелись вассалы не слишком браво, многие были больны. Граф окинул солдат взглядом – и сила Лорда Тьмы оказала обычное действие: едва заглянув в бешеные черные глаза сеньора, воины расправляли плечи, на бледных щеках разгорались неестественно яркие пятна лихорадочного румянца, мышцы наливались силой... Будь у Кордейла время, он поборол бы чары Моровой Язвы, предателя и труса... но времени не было, громоздкая осадная башня уже придвинулась к воротам. Значит, следует ее разрушить сегодня!

– Ну, что? Пойдем, ошиплем белых петухов? – бросил Граф.

Солдаты отозвались нестройным боевым кличем и брякнули мечами о щиты. Они были готовы драться – хотя бы потому, что ничего другого не оставалось. Кордейл удовлетворенно кивнул и развернулся. Атаковать они будут в пешем строю, потому что большую часть лошадей съели за лето, а оставшихся слишком мало. Лучше идти в бой вместе – клином, на острие которого встанет Лорд Тьмы, один из Семи Спасителей Мира. Граф повел плечами, пластинчатый панцирь глухо звякнул. Кордейл всегда отдавал предпочтение доспехам полегче – менее надежным, зато обеспечивающим подвижность. За стеной надрывались рога орденских сигнальщиков... Пусть орут охрипшими от страха голосами. Пусть.

Кордейл поднял меч так, чтобы стало видно вассалам. Этот клинок был знаменит и имел собственное имя – Крыло Ночи. Имя меча входило в полный титул Графа и внушало страх врагам...

Лорд Тьмы взмахнул мечом – раз, и еще. Справа влево, вниз и накрест – слева вправо. Изпод лезвия брызнула темнота – пространство вокруг Графа стремительно погружалось в тень. Кордейл шагнул к воротам, не прекращая рассекать воздух перед собой волшебным оружием, и мрак вокруг него и выстроенных клином солдат сгустился и сгустился... Вассалы, держа шаг, двинулись следом, под покровом темноты. Ворота со скрипом распахивались перед ними, Граф не спешил, ждал, пока откроется проход. Ночь наполнила дворик замка, разбухла, поднялась над стенами, выплеснулась из ворот... Темнота потекла к помостам – там арбалетчики в белом, прикинувшись бойницам, вглядывались в непроглядно-черный мрак, плывущий на них из замка Кордейла. Они не видели целей. Вот у первого не выдержали нервы, звякнула тетива, болт канул в черную пустоту... Другой, третий – снаряды исчезали во мраке, ничего не происходило... Стрелки торопливо натягивали тетивы, выхватывали из сумок новые болты.

Язык тьмы проскользнул между помостов, потянулся навстречу осадной башне, которая, невыносимо скрипя, ползла к воротам. Конные братья с трудом удерживали в строю храпящих, волнующихся лошадей. Животные отлично ощущали неестественность надвигающейся полосы ночи. В реве рогов и скрипе гигантских колес осадной башни невозможно было различить топот шагов и звон доспехов солдат Лорда Тьмы, поэтому воины Кордейла возникли будто из ниоткуда – ломая строй, мечники из задних рядов клина бросились на галереи, они рубили и сбрасывали вниз орденских стрелков, а те замечали врагов, только когда те оказывались в двух шагах. Сегодня Граф сотворил небывало темную завесу мрака, никогда прежде Крыло Ночи не показывал подобного.

Добрый Могвид взмахом руки послал в атаку кавалерию, конные лавы устремились навстречу быстро густеющей темноте, они скрывались во мраке, исчезали без следа. Ночь, созданная Спасителем Мира, поглощала ряды кавалерии. Где-то в темноте Граф рубил и расшвыривал всадников, его клинок разил с невероятной силой, рассекал, разваливал на части, отбрасывал с дороги все, что попадало под лезвие. Клинок продвигался все дальше, он преодолел три четверти расстояния, отделявшего осадную башню от ворот замка... Ряды всадников исчезали в темной полосе один за другим, но не могли не то что остановить, даже сдержать атаку Графа Кордейла. Лорд стремился к осадной башне...

Магистр ощутил сомнение, едва ли не отчаяние – как же так? Неужели все жертвы и потери были напрасны? Кажется, вот сейчас Кордейл достигнет подножия башни, пройдет сквозь огромное сооружение, уничтожит, свалит, устремится дальше – и мрак поглотит лагерь Ордена! Мрак захлестнет, затопит этот участок плоскогорья у подножия Черной Горы, потом устремится дальше, разойдется в ширину, поднимется к небесам – мрак поглотит весь мир!

– С дороги, магистр! – хрипло каркнул за спиной Могвида знакомый голос. Холодный, спокойный голос.

Магистр поспешно дернул повод, убираясь с пути страшного союзника. Свита магистра торопливо перестроилась за его спиной так, чтобы держаться подальше от людей Лорда Тьмы.

Лажваш вел солдат в зеленом навстречу сгущающейся ночи. Что же, пусть зло сразится со злом, пусть Спасители Мира убивают друг друга. Даже если Кордейл устоит, но сразит Лажваша, и тогда поход будет не напрасен... Разумеется, барон рассуждал иначе. Он выглядел спокойным и собранным – у Моровой Язвы не было сомнений относительно того, кто падет сегодня.

Повинуясь приказу барона, арбалетчики перестроились в линию. Разворот – к замку обращены щиты. Рывок – арбалеты взведены. Новый разворот – уже со вскинутым к плечу оружием, готовые к стрельбе. Лажваш отдал короткий приказ, солдаты вставили в ложа болты. Добрый Могвид разглядел между полос металла блестящее стекло. Не зеленое, как прежде, а красное. Сегодня Язва приготовил иной фокус. Итак, начинался обещанный Лажвашем поединок Лордов Тьмы.

* * *

Добрый Могвид поднял руку и взмахнул – повинуясь приказу, рога протрубили новый сигнал. Кавалеристы, которые безуспешно атаковали тьму, услышав зов, поспешно натягивали поводья, торопливо разворачивали коней... а когда солдаты в башне прекратили движение, пронзительный скрип смолк так резко, что всем показалось – тишина ударила в уши, стиснула череп. Всадники в белом оттягивались из средоточия мрака вправо и влево. Магистр глядел на солдат в зеленом, он не догадывался, что станет делать Лажваш, как собирается сдерживать натиск Графа.

Моровая Язва плавно поднял закованную в темную сталь ладонь... взмахнул. Щелкнули арбалеты, хорошо обученные солдаты, не дожидаясь новых приказов, слаженно развернулись, обратив к замку щиты, накинули крючья, взвели тетиву и замерли.

А среди тьмы, в которую ударили заряды Лажвашевых стрелков, распустились красные цветы. Там, куда угодили болты, медленно развернулись светящиеся багровые спирали, стали раскручиваться, шириться, теснить черноту, сотворенную Крылом Ночи. Тонкого звона разбитых стекляшек было не слышать, но их содержимое вступило в битву с мраком. Темнота не померкла, но сделалась прозрачной, ночь, окружающая людей Кордейла, теперь была красной, в ней проступили силуэты – наступающий клин оказался виден. Вокруг Графа и его латников черный свет сменился багровым.

Лажваш рявкнул новый приказ – арбалетчики развернулись и вставили в ложа болты. На сей раз обычные, кованые. Если новые снаряды и были усилены магией, определить этого Могвид не мог. Еще приказ – солдаты разрядили арбалеты в багровое месиво. Магистр понял, что все стрелки целятся теперь в Графа, фигура Лорда Тьмы отчетливо вырисовывалась в красных сумерках. Казалось, с такого расстояния опытные воины Лажваша должны были изрешетить Крыло Ночи, прошить насквозь, опрокинуть, уничтожить, но Граф невероятно стремительно взмахнул клинком, описывая перед собой сложную кривую... короткая дробь звонких ударов металла о металл – и Кордейл сделал следующий шаг. Он отразил снаряды клинком! Рядом с лицом доброго Могвида что-то небольшое с шорохом прошло воздух, магистр догадался, что его миновал отбитый Лордом арбалетный болт! Магистр торопливо опустил забрало: когда дерутся Спасители Мира, никакая предосторожность не окажется лишней или предосудительной.

Лажваш махнул рукой, снова доспехи на нем содрогнулись, задрожали, словно были надеты на студень. Стукнули арбалеты. Новый взмах Крыла Ночи – Граф продолжил атаку. Он был по-прежнему неуязвим. Солдаты Лажваша взвели арбалеты и замерли. Где-то скакали кони, ржали, вставляли на дыбы, орденские рыцари перестраивались справа и слева от замершей башни. Арбалетчики в белом отчаянно рубились на помостах с наседающими латниками Кордейла... Добрый Могвид не смотрел в сторону, его взгляд был прикован к надвигающимся

красным сумеркам, в центре шагал Лорд Тьмы, размахивал мечом, мрак вокруг него медленно терял красный оттенок, возвращал черную краску...

Третий залп – Граф все ближе и ближе... Орденские солдаты уже сбиваются в колонну за спиной магистра, готовятся вступить в рукопашную. Лажваш невозмутимым голосом отдал новый приказ – щелкнули тетивы. Взмах Крыла Ночи – и страшный рев. Один снаряд настиг наконец Кордейла! Болт пробил предплечье. Страшный меч опустился.

– Проклятье! – заорал Граф, перехватывая оружие здоровой рукой. –левой я убиваю хуже!

Барон Морозов Язва отдал новую команду, развернулся и медленно побрел прочь. Его воины двинулись следом, вскинув оружие на плечи, и магистру ничего не оставалось, кроме как двинуть своих людей навстречу Графу. Могвид рванул меч из ножен и пришпорил коня, посылая жеребца в красные сумерки. Позади орали солдаты, гремела сталь... Строй солдат Тьмы прыгнул навстречу, магистр занес оружие, готовясь нанести удар... но не успел – мир вокруг него странным образом развернулся, боевой конь Могвида не заржал, а взвыл, щель забрала залило жаркой кровью... мелькнула неестественно вывернутая лошадиная голова. Падая, магистр понял, что волшебный меч разрубил шею жеребца. Потом – тяжелый удар о землю, мелькающие ноги, белые плащи... Воины Ордена мчались мимо поверженного магистра, спеша схватиться с людьми Кордейла. Они кричали, выли, визжали, заноса оружие для удара, потом два строя, черный и белый, с грохотом столкнулись в красных сумерках. К воплям злобы и страха добавились стоны умирающих и визг раненых лошадей, на флангах снова атаковали кавалеристы...

Добрый Могвид выбрался из-под лошадиной туши, перевернулся, встал на колени... нащупал рукоять меча, упер клинок в землю и тяжело поднялся. Как ни удивительно, но битва откатывалась к воротам замка, и тьма над магистром редела. Воистину чудо – воины Ордена, силы которых удесятерил страх, одолевали Лорда Тьмы! Могвид поднял руку – его увидели. Трубы молчали, но солдаты, наблюдавшие с башни, заметили жест магистра. Чудовищное сооружение покачнулось... и снова скрип огромных колес перекрыл, затопил, пожрал прочие звуки. Осадная башня поползла к замку.

* * *

Граф Кордейл в самом деле гораздо хуже убивал левой рукой. Меч по имени Крыло Ночи по-прежнему легко разрубал доспехи и кости, люди и лошади валились вокруг Лорда Тьмы, но он отступал. Белым удалось согнать его людей с помостов, теперь кавалеристы Ордена наседали слева и справа, грозя отрезать потерявший форму клин от замка. Ни разу за месяцы осады в схватке не гибло столько солдат Кордейла, осаждающим наконец-то удалось охватить бойцов Графа с флангов, а сумерки, благодаря магии Лажваша, стали не так густы – белые видели противников и спешили разделаться с ними, пока Граф дерется в стороне. Задние ряды солдат Кордейла заколебались, и Лорду пришлось отступать. Когда воины Ордена бросились вслед уходящему противнику, Граф остановился, и минутой позже перед ним образовалась гора изрубленных тел.

Новая волна белых переклестнула преграду, и кинулась к стенам на помощь кавалеристам, гибнущим под клинком Спасителя Мира. В воротах Кордейл остановился, рывкнул: «Закреть ворота!» – и рубил наседающих врагов, пока его люди за спиной сеньора проскакивали в сходящийся проем. Створки с гулким грохотом сошлись за спиной Лорда Тьмы, белые разочарованно взвыли, Граф стоял один перед ними, опираясь спиной о кованые скрепы ворот. Клинок в его левой руке описывал круги и восьмерки – и тьма окутывала господина замка... Из раны в предплечье ручьем стекала кровь. Потом темнота сомкнулась вокруг него. Белые

дружно кинулись во мрак, Лорд Тьмы вмиг снес несколько голов. Левой рукой Кордейл убивал хуже, но не настолько хуже, чтобы его можно было взять быстро.

С бруствера упали толстые канаты, Кордейл поставил ногу в петлю. С трудом подняв раненую руку, ухватился – его потащили.

Белые – окровавленные, в проломленных латах и изрубленных кольчугах – рычали, не видя, но угадывая во мраке движение... потом Кордейл вынырнул из крошечной ночи уже на высоте четырех человеческих ростов. Он больше не размахивал Крылом Ночи. С парашюта посыпались стрелы и болты, и белые попятались, закрываясь щитами. Тем временем чудовищная башня продолжила путь к воротам.

Кордейла втащили на стену между зубцов. Граф швырнул клинок в ножны и оглядел предплечье. Попытался подцепить засевший в руке болт, но залитые кровью железные пальцы боевой перчатки скользили по короткому стержню. Лорд зарычал, скинул шлем и швырнул перчатку под ноги. Его люди попятались. Не глядя на них, Кордейл ухватил наконец болт и вырвал из раны. Повертел перед глазами красный от крови кусок железа.

– Проклятый предатель... Лажваш!

– Мой лорд, – осмелился высказаться старый вассал, – нужно унять кровь. Позвольте...

– Да, – кивнул Граф, – а эти веревки заберите вместе с остальными. Здесь они не понадобятся.

Лорд Тьмы пнул груды канатов – тех самых, при помощи которых его втащили на стену. Двое солдат подошли и стали сматывать тяжелые петли. Тогда только Граф разрешил старику заняться пробитой рукой. Тот растянул латы, стащил с господина броню, разрезал пропитанный рукав куртки и осмотрел рану. Поспешно расталкивая товарищей, приблизился солдат помоложе, протянул полосы чистой ткани и флягу.

Лорд, не отрываясь, глядел, как, раскачиваясь и скрипя, приближается башня.

– Мой лорд... – старик поднял флягу. – Это будет неприятно.

– Лей, – не оборачиваясь, бросил Лорд Тьмы.

Обжигающая жидкость полилась на рану, смыла кровь, побежала по разрезанному рукаву. Старик начал осторожно, но крепко обматывать мускулистое предплечье Лорда. Тот дождался окончания операции, пошевелил рукой... велел:

– Обстреливайте башню. Теперь нет нужды беречь снаряды, засыпайте стрелами бойницы и щели. Ворота завалить изнутри камнями. Нам больше не придется совершать вылазки.

– Да, мой лорд.

– Веревки собрали, как я велел?

– Конечно, мой лорд. Веревки, цепи – все, что удалось отыскать.

Кордейл развернулся и побрел к лестнице, ведущей во двор замка. Солдаты торопливо попятались, освобождая дорогу. Лорд сошел вниз, с минуту наблюдал, как закладывают булыжниками и мешками гравия портал. Потом направился в замок. Сложенное из плит черного камня крыльцо, темный холл... Затем коридор, ведущий к восточной части замка, в чрево Черной Горы. Граф, не задерживаясь, миновал просторные галереи, дальше коридор сузился, теперь Лорд шагал по узкому проходу, низкие своды были испещрены неровными сколами – следами орудий каменотесов. Никто не озаботился выровнять стены и потолки, потому что работы здесь не были завершены. Несколько лет назад Кордейл велел вывести проход к дальнему склону горы, но слуги не успели закончить труд. Пока что удалось пробить узкий ход, который вел к тесному оконцу, в узкий проем не смог бы протиснуться мужчина обычного сложения. Да и какой смысл? За окном – отвесный спуск, сотни футов отвесного склона, острые каменные клыки, расселины и осыпи. Без помощи этот спуск одолеть никому не под силу, а если спустить веревку – она порвется под собственным весом. Канатов такой длины никогда не делали. Но что остается? Замок будет взят, и Кордейл собирался попробовать спасти что можно. Любой шанс лучше, чем бездействие. В узком коридоре двое солдат увязывали снесен-

ные отовсюду канаты, чтобы получилась веревка нужной длины. Цепи они так и не решились пустить в ход – слишком тяжелы.

– Мой лорд...

– Продолжайте, я сейчас вернусь.

* * *

Солдаты вязали узлы, сматывали канаты, тянулись за новыми кусками, перебирали, отыскивали те, что длинней и кажутся более прочными. Бухты смотанных веревок занимали много места, латникам стало тесно, но они продолжали работу, отодвигаясь от окна, чтобы оставить свободным проход к свету. Граф вскоре вернулся – он нес большую корзину, подвесив на сгиб здоровой руки. Остановился, окинул взглядом результат работы.

– Заканчиваем, мой лорд, – торопливо пояснил один вассал, оторвавшись от узла.

Лорд кивнул, прошел мимо тружеников и опустил корзину. Склонившись над ней, зашептал:

– Запомни меня, запомни все. Я не знаю, что будет, грядущее в тумане. Я верю в судьбу. А ты запомни. Я бы отправил с тобой меч, но он слишком тяжел. К тому же, если Крыла Ночи не отыщут здесь, то продолжают поиски... Нет, лучше пусть меч достанется им... пока ты не придешь, чтобы возвратить его. Да, так будет лучше. Прощай и помни все...

– Позвольте, мой лорд, – произнес солдат за спиной.

Кордейл поднялся и отступил к стене, пропуская вассала в узкий проход. Тот протиснулся к окну, отыскал конец смотанного каната и принялся вязать его к корзине. На сеньора он старался не глядеть. Второй солдат закончил работу и выпрямился. В коридоре послышались торопливые шаги – показался старик, тот, что перевязывал Кордейла.

– Мой лорд, таран начал работу!

– А здесь пока не слышно, – задумчиво произнес Граф. – Вы закончили? Ступайте. Все ступайте прочь. Я сделаю сам.

– Но ваша рука, мой лорд...

– Моя рука, даже продырявленная, надежней любой пары в этом замке. Неужели я могу доверить кому-то такую работу?

– Прошу простить мою дерзость, лорд. И накажите глупого слугу.

– Пустое, какие наказания! Тебя все равно сегодня убьют добрые братья.

– Я постараюсь усложнить им дело, мой лорд.

– Ступайте, – повторил Граф. Его голос прозвучал почти мягко. Сегодня они впрямь умрут вместе, и господин, и слуги. Смерть уравнивает всех.

Вассалы неловко – из-за тесноты – поклонились и скрылись в темноте. Лорд подождал, пока стихнет звук шагов, и снова присел над корзиной.

– И последнее. Возьми это. Запомни имя – Лажваш, Лорд Моровая Язва. Предатель.

Граф сунул под накрывающие корзину шкуры покрытый запекшейся кровью арбалетный болт. В корзине неразборчиво пискнул тонкий голос.

– А теперь упрись как следует ногами, – распорядился Лорд Крыло Ночи.

Легко поднял корзину, поставил в окно, на узкий каменный карниз. Взял левой, здоровой, рукой канат, перекинул через плечо, а правой осторожно подтолкнул груз к пропасти. Затем принялся медленно стравливать канат. Лицо его было бесстрастно. Он бы помолился о прочности веревок, но не знал, к кому обратиться. Разве что – судьба? Молиться ей?

До сегодняшнего дня он, Спаситель Мира, не знал существования могущественней себя, такого, которому бы стоило помолиться... Единственный, кто обладал большей силой и властью, покоился ныне в бездне, погребенный Лордами Тьмы, и, конечно, не мог услышать. Да

и вряд ли стал бы помогать собственному могильщику... Да это и не в его стиле – помогать кому бы то ни было...

Веревки скрипели, Граф медленно перебирал руками. Чем дальше, чем больше каната оказывалось снаружи, тем тяжелей становилась ноша. На повязке, окутывающей раненое предплечье, выступила кровь, но Лорд Тьмы, не меняясь в лице, продолжал труд. Он старался не оглядываться – много ли смотанных веревок осталось за спиной. Какая разница, все равно больше нет.

Когда стало тяжело, Граф уперся ногой в карниз, чуть откинул корпус назад. Через плечо он по-прежнему не глядел, перебирал веревку, аккуратно нащупывал узлы... Канат скрипел и шуршал. Вдох-выдох, скрип-шурх... Прошло немало времени, но груз по-прежнему тянул – значит, не достиг подножия Черной Горы. Потом веревка дернулась, Графа тряхнуло, он покачнулся и едва устоял. Оборвалась, значит, ноша. Веревка не выдержала. Теперь Кордейл позволил себе оглянуться – остался совсем короткий конец. Возможно, корзина свалилась с небольшой высоты, упала в кусты, на каменный карниз, соскользнула по пологому скату... Надежда есть.

Но Граф не стал тешить себя догадками. Едва веревка в руках ослабла, он бросил ее, повернулся и быстро зашагал прочь от окна. Сейчас он облачится в измятые доспехи, возьмет Крыло Ночи и примет во дворе замка последний бой.

* * *

Груз рухнул с высоты в два человеческих роста, ударился о выступ, прутья упруго прогнулись от удара, отбросили корзину так, что оставшийся путь она пролетела не вниз, а полого. Затем врезалась в ствол молодой сосенки, с трудом вытянувшейся на каменистом грунте, сломала деревце, снова изменила траекторию и наконец свалилась в кустарник. Подпрыгнула напоследок, но, зацепившись за колючую ветку, перевернулась и замерла. Шкуру, намертво прихваченную к ободу корзины, прорезал тонкий клинок. С хрустом пополз вдоль края, двигаясь вверх-вниз. Когда отверстие расширилось достаточно, из корзины вывалился мальчик с ножом в ручонке. Упал в кустарник, сердито рванул схваченный колючками рукав, отошел в сторону, присел и заплакал. Ему было шесть лет, в таком возрасте реветь не зазорно, если взрослые не видят, конечно.

В густых зарослях у подножия Черной Горы было тихо, поэтому негромкие всхлипывания прозвучали слишком резко. Они казались здесь чуждыми. Эта чуждость напомнила мальчику – долго плакать нельзя. Нужно уходить. Малыш встал, перевернул корзину, повисшую на ветвях кустарника, и вытащил содержимое. Четверть каравая, кусок мяса, немного сыра, фляга...

Мальчик решил нарезать веток и закидать корзину, но потом его взгляд упал на канат, беспорядочными петлями свисающий с кустов и сломанной сосны. Утащить такую ношу ему не по силам... С тяжелым вздохом малыш полез в корзину, вытащил последнее, чем его снабдил Лорд Тьмы, – туго увязанный мешочек, бока которого топорщились твердыми гранями, и арбалетный болт. Упрятал и то и другое поглубже за пазуху... огляделся. Приметил подходящую палку, примотал к ней нож – получилось копьецо, которое могло служить и посохом. Малыш утер нос, окинул напоследок взглядом восточный склон Черной Горы, тяжелые петли каната... Сюда, к подножию, не доносилось звуков битвы, но малыш знал – идет штурм замка.

Мальчик повернулся и зашагал прочь. Он знал, что предстоит долго шагать на восток, до ночи шагать. Потом свернуть налево и идти на север, так чтобы солнце на восходе светило в правую щеку. Потом – на запад... Он обогнет Черную Гору и выйдет к жилью...

Малыш не умел жить в лесу, поэтому не сразу сообразил, что означает шорох в кустах. Ветви раздвинулись, из зарослей вышел волк. Зверь был старый, хромой, к тому же он начал

линять, и шерсть на боках топорщилась неровными клочьями – так что выглядел самец отвратительно.

Волк был обречен, ему не суждено пережить грядущую зиму, потому что не успел набрать вес, а в стае – когда волки этого леса собьются в стаю – дряхлому доходяге будут доставаться объедки... но о подобных вещах зверь не рассуждал. Он был хищником. Он видел добычу. Мальчик был намного меньше, чем волк, и двигался медленно. Зверь остановился, втягивая исходящий от человека запах, немного сбивала с толку примесь вони шкуры, которой была обшита корзина. Вассалы Графа обтянули корзину волчьей шкурой, и мальчик прихватил толику ее запаха. Волк хрипло дышал, обдумывая, что означает аромат волчьей шерсти, исходящий от добычи. А маленький человек не сомневался, он осторожно скинул котомку с припасами и склонил копьцо, чтобы острое глядело в морду зверя. Волк сделал шаг в сторону, нож, примотанный к палке, качнулся, сопровождая движение хищника. Зверь приблизился, копь глядело ему в глаза, желтые, подслеповатые.

Волк подобрался, готовясь к прыжку, мальчик согнул спину, чтобы встретить рывок зверя, превосходящего весом... Тенькнула тетива, волк взлетел на месте, перевернулся, щелкнул клыками в тщетной попытке ухватить выросшее в боку оперенное древко... завалился на бок, дернул лапами и захрипел. Струйка крови показалась из пасти, но запуталась, заплутала в клочьях шерсти и не добралась до усыпанной хвоей земли. Мальчик не шевелился, он глядел на кусты, из которых вылетела стрела. Теперь его оружие было направлено туда. Захрустели ветки под тяжелыми сапогами, из зарослей вышел старик. Он заметно хромал, морщинистое лицо пересекал огромный шрам. Когда-то этому человеку рассекли лицо, и правый глаз вытек. Старик, не глядя на ребенка, проковылял к мертвому волку, положил лук и склонился над трупом. Провел ладонью над клочковатым боком.

– Злобы нет, только голод. Я так и думал.

Потом обернулся к малышу:

– Ты – сын Графа Кордейла.

Это прозвучало утвердительно. Мальчик молчал, по-прежнему направляя оружие на спасителя.

– Я узнал взгляд, – пояснил старик. – У твоего отца такие же глаза, черные, огромные. Помню, когда он посмотрел на меня, нутро будто ледяной водой окатило, все сжалось в груди... Ты похож на Графа.

– Ты знаешь моего отца? – спросил ребенок. Самодельное копь дрогнуло.

– Мы встречались. С тех пор я хром и крив, как видишь. Твой отец оставил мне эти отметки... Судьба любит откалывать подобные шутки. Лорд не убил меня, и теперь я спас его сына. Идем, малыш, я позабочусь о тебе. Научу всему, что тебе предстоит узнать. Покажу, как обращаться с оружием. Воспитаю достойным наследником Лорда Крыло Ночи. Ты мне веришь?

– Верю. – Мальчик опустил копь. – У меня есть ценности, возьми. Воспитай меня достойным наследником.

Старик подобрал лук и подошел к ребенку. Взял мешочек, распутал тесемку.

– Изумруды... алмаз, еще один... Нет, это останется для тебя. Камни пригодятся в пути.

– Мне предстоит путь?

– Да. Когда мы сочтем, что ты готов, убьешь меня и отправишься.

– Убить? Тебя? – Малыш, удивленно округлив глаза, поглядел на мужчину снизу вверх.

– погоди, потом сам поймешь, – хромым старик неумело потрепал пушистые волосы мальчика. – Как тебя зовут?

– Граф Кордейл, – важно пропищал малыш. Потом добавил: – Лорд Тьмы Крыло Ночи.

– Об этом имени пока что придется забыть, Крыло Ночи по-прежнему в замке... Интересно, что сейчас с мечом, кто обладает им?..

1

Резиденция великого магистра Ордена именовалась Дом Света. По замыслу основателей братства, замку предстояло стать символом новой, счастливой жизни. Эти возвышенно мыслящие люди собирались создать великолепный знак стремления к добру и свету. Добрейший Могвид понимал, что двигало наивными простодушными предшественниками. Когда Повелитель Тьмы оказался низвергнут и заключен под Серый Камень, Могвид был ребенком, однако и по сию пору не позабыл радостного лихорадочного возбуждения, охватившего народ. Когда выяснилось, что Спасители Мира не жаждут верховной власти и согласны удовольствоваться собственными владениями по краям Круга, всем показалось: мир возрождается к новой жизни... Еще чуть-чуть, еще немного – и Свет восторжествует.

Лучшие из лучших объединились под сенью Ордена. Движимые верой в скорую победу, они записали собственные мечты – так возник устав Ордена... потом братья возвели этот замок, которому надлежало стать маяком, светочем, светилом... образцом. Предполагалось, что стены Дома Света будут белоснежными, чистыми, но, поскольку строили второпях, поспешно, камень взяли не самый лучший.

Теперь стены замка тут и там покрылись сетью тончайших трещинок, куда набилась пыль, местами из-за сырости пошли бурые и зеленые пятна плесени. Каменная кладка Дома Света утратила первоначальную белизну, точно так же померкли и мечты о всеобщем благоденствии. Братья оказались вынуждены отказаться от надежд на скорое торжество собственного дела. Хотя Спасители Мира пожертвовали половиной могущества ради заточения Повелителя, власть их по-прежнему была велика, и орденским братьям не удалось свалить ни одного из Лордов Тьмы – до тех пор, пока за дело не взялся Могвид.

Он сделал карьеру в Ордене, стал магистром, одним из четырех столпов братства, повидал всякое... Восхождение было долгим – на глазах Могвида погибли сотни соратников, сгинули в тщетных попытках одолеть Тьму. Могвид сделался циничным и расчетливым. Он умел сражаться с беззаветной отвагой, но умел и удирать. По мере того как расставались с жизнью старшие братья, положение Могвида в Ордене становилось все прочней. Заняв пост магистра, он предложил дерзкий план, а затем самолично привел его в исполнение. Да, большинству братьев претил союз с Лордом Тьмы, но без помощи Лажваша победа была бы невысказана. Взятие Кордейла обошлось Ордену дорого, немало братьев и простых солдат сложили головы у Черной Горы... но дело того стоило!

А уж когда добрый Могвид возвратился с победой, недовольным пришлось умолкнуть. Лорд Лажваш Морозная Язва оказался прав – победителю простили все отступления от буквы устава Ордена, и позиции доброго Могвида в орденской иерархии упрочились, да так, что после смерти добрейшего предшественника капитул единодушно проголосовал за него. Ныне добрейший Могвид – великий магистр, глава Ордена. Теперь никто не посмеет припомнить позорный союз с Лордом Тьмы, никто не осмелится... кроме добрых братьев, конечно. За закрытыми дверями магистры могут упрекать Могвида, но – разве что вполголоса. Восстать против победителя Кордейла? Нет, на такое не пойдут даже отъявленные смутьяны, вроде доброго Архольда. Этот болван становится опасным... к счастью, он груб и глуп, за ним братья не пойдут. Большинство славит великого магистра добрейшего Могвида, победителя и героя.

Да, Лорд Лажваш был прав – предсказания Спасителя Мира сбылись в удвоенной мере. Морозная Язва сулил Могвиду признательность потомков, но великого магистра почитают и при жизни! Глава Ордена припомнил последний разговор с Лордом Тьмы, когда битва во дворе Кордейла закончилась и добрый Могвид отправился в лагерь Лажваша, чтобы вручить обещанный трофей.

Лорд Тьмы принял гостя в зеленом шатре – хотя Лажваш мерз в ледяном чреве собственного обиталища, однако упорно не желал покидать его и выбраться на солнышко. Могвид вошел и протянул сверток. Лорд Тьмы неторопливо развернул пелены мягкими пальцами и, едва взглянув, отложил подношение. Могвида удивило странное равнодушие союзника.

– Мне не нужен меч, – пояснил Лажваш, – важно, чтобы он не попал к кому-то... к кому-то, кто в нем нуждается. Пусть остается у меня. Так всем будет спокойней.

– И что теперь? – осведомился магистр.

– Я отправляюсь домой. Вы – куда пожелаете.

Могвид подавил вздох облегчения. После битвы под его началом осталась лишь жалкая горстка бойцов. Граф Кордейл дрался с яростью отчаяния, да и солдаты Лорда понимали, что пощады им ждать нечего...

Пожелай Моровая Язва нарушить договор – в два счета мог бы разделаться с уцелевшими союзниками. Но Лорд Тьмы предпочел сдержать слово. А магистр замаялся – не знал, что еще сказать. Вроде бы теперь, после гибели Крыла Ночи его с Лажвашем ничего не связывает?

– Надеюсь, вы поможете моему мальчику, – добавил Лорд Тьмы. – Лидвиху придется трудно, особенно поначалу. Многим не по нраву его происхождение, я понимаю.

Сын Лажваша, юный Лидвих, изъявил желание вступить в ряды воинов Ордена, странное решение для отпрыска Лорда Тьмы. Могвид обещал, что возьмет новобранца под свое покровительство. Напоследок Лажваш напомнил:

– Да, и не забудьте, у графа тоже был сын.

– Я велел отыскать мальчика с черными волосами, – кивнул магистр. – К сожалению, его придется убить.

– Убейте всех детей в замке, так выйдет вернее, – посоветовал Лорд Тьмы.

Добрый Могвид не ответил, распрощался и ушел. Но совету старательно последовал, обитатели Кордейла – все до единого – были уничтожены. Во имя Света, во имя всеобщего блага...

Все, что ни говорил Моровая Язва, оказывалось верно, Могвид в точности следовал его словам – и не пожалел. Это касалось и Лидвиха, магистр сделал юношу собственным оруженосцем. Умом парень не блистал, но был храбрым, исполнительным и честным. Потрясающе честным. Невероятно, чудовищно честным. Идеальный рыцарь вышел из отпрыска Лорда Тьмы. А Лажваш возвратился в собственные владения и сидел там тихо. Орден не трогал его, и барон не давал добрым братьям повода для вмешательства. Моровая Язва если не самый могущественный из Лордов Тьмы, то, бесспорно, превосходит собратьев мудростью. Другие Лорды всегда вели себя куда более дерзко и враждебно... но на Дом Света не посягали – считали полезным, чтоб под рукой был кто-нибудь, не меньше их озабоченный приходом собирателя. Они нанесли Ордену немало чувствительных ударов, но не смертельных, нет.

Белые стены Дома Света потемнели, покрылись пятнами, однако стоят несокрушимо... Великий магистр прошелся по кабинету и выглянул в окно – скоро осень, небо затянуто тучами, вот-вот пойдет дождик... Двенадцать лет... двенадцать лет миновало после взятия Кордейла. Да, именно так – ровно двенадцать. Может, следует отпраздновать?

В дверь постучали.

– Входи с миром, – бросил великий магистр.

Скрипнули петли, Лидвих, согнувшись, заглянул в слишком низкий для такого богатыря проем.

– Добрейший, магистры собрались.

– Что ж, идем...

* * *

Совет Ордена собирался на верхнем из жилых этажей донжона Дома Света. Таков порядок. Подняться по крутой лестнице непросто, но слабый телом не может быть магистром Ордена, так записано в уставе. Ох, основатели братства... мечтатели! Наивные мечтатели. Впрочем, Могвид был достаточно крепок и проворен, чтобы легко преодолеть знакомый подъем. Правда, перед входом великому магистру пришлось немного постоять, чтобы успокоилось дыхание...

Могвид вошел в зал, оглядел магистров и кивнул:

– Приветствую, добрые братья.

Члены совета встали, с грохотом отодвигая тяжелые стулья.

– Приветствуем, добрейший Могвид...

Великий магистр подошел к своему месту во главе стола и сел, отбросив складки просторного белого плаща. Лидвиг встал позади великого магистра и замер, уставясь поверх голов. После этого опустили на стулья и остальные.

– Итак, добрые братья, что слышно в Круге?

– Ничего примечательного, – ядовито буркнул Архольд. Смутьян, вечно ищет ссоры и готов превратить заседание совета в безобразную перепалку. – Ничего хорошего, за исключением того, что солнце по-прежнему встает на востоке и садится на западе.

– Отсутствие новостей – это хорошие новости, – безразличным тоном ответил великий магистр, – разве не так?

– Я немного преувеличил. На самом-то деле новостей – хоть отбавляй. Я не хотел досажать вам мелочами, добрейший Могвид.

– Говорите, раз уж начали, брат, – кивнул великий магистр.

– Извольте. В Раамперле, говорят, объявился волк-оборотень. С севера надвигается холод. По Кругу шастают южане, скупают рабов... мне продолжать?

Могвид устало опустил веки. Он прекрасно понял намек – холода насылают Анела Ведьма Севера; волк-оборотень – это, конечно, очередной неудачный эксперимент Феттаха Повелителя Зверей, а южане-работоторговцы – разумеется, эмиссары Алхоя Прекрасного Принца.

– Можете добавить, что Ройнгард Железная Рука по-прежнему набирает наемников, Уйгор Темный, как всегда, занят чем-то непонятным.

– Бездействует один лишь Орден, – просипел добрый Хагней. Большой, как гора, сильный телом, но безвольный человек. Сейчас он все более подпадает под влияние Архольда.

– Мы бездействуем? Это важная новость! Добрый Архольд, а вы сказали, что новостей нет! – великий магистр оживился. – Я-то полагал, что братья следят за Лордами Тьмы, стерегут появление собирателя, охраняют Круг...

– Это так, – важно склонил голову добрый Этлих. Хоть этот верен и спокоен, на него можно положиться. – Братья бдят.

– Конечно, – согласился последний магистр, Воттвульк. – Главная задача Ордена – своевременно определить и обезвредить собирателя.

– Если уничтожить Лордов Тьмы, собиратель окажется бессилён! – обернулся к собрату Архольд. – Убить их всех, одного за другим! Ныне Орден силен как никогда, так почему же великий магистр не поведет нас на их логова?

– Позвольте мне, добрый Архольд, напомнить, что никто из вас не участвовал в штурме логова Лорда Тьмы.

– А вы участвовали, добрейший.

– Именно так, брат мой. Так что позвольте мне судить о том, под силу ли Ордену этот подвиг.

– Не под силу, разумеется, – пробурчал Архольд, но глаза опустил, уставился в стол. – Именно это вы нам скажете.

– К моему большому сожалению. И прошу сегодня к этой теме не возвращаться. Поглядите на стены Дома Света, – великий магистр припомнил удачную метафору, которая накануне пришла в голову, – они были выстроены белоснежными, но теперь покрыты пятнами. Не все, что задумано основателями братства, можно исполнить. Добрые предшественники хотели видеть нашу твердыню белой, а Лордов Тьмы – поверженными. Вместо этого мы ограничиваемся решением насущных задач. Итак, волк-оборотень в Раамперле. Что-то еще?

– На руинах Кордейла частенько видят странного человека, – буркнул Архольд. – Непонятно, чем он занимается, но люди говорят, что...

– Погодите, добрый брат, – перебил магистра Могвид. – Чтобы увидеть кого-то на руинах Кордейла, нужно самому попасть туда. Это подозрительно. Кто доносчик? Кто шастает на развалинах логова Крыла Ночи?

– Верные люди, – пояснил добрый Архольд. – Они обратили внимание на старика, который слишком заинтересовался казнью. Глядел, не отрываясь, держался необычно.

– Многим нравится глядеть, как отправляют правосудие, – возразил Этлих. – Это зрелище радует душу и тешит глаз.

– Наш человек сказал, что старец глядел на казнь... глядел как-то странно. Шевелил губами, простер руку к эшафоту.

– Кого казнили?

– Душегуба из местных. Старик – пришлый, охотник. Явился в город, чтобы обменять шкуры на припасы. Ну а потом оказалось, что он живет за Черной Горой, и вроде бы частенько бродит на руинах Кордейла.

– Старый охотник – собиратель? – скептически поднял брови Этлих.

– Сообщение заинтересовало местных братьев, – Архольд проигнорировал сомнения собеседника, – они проследили за охотником. Дошли до подножия Черной Горы. Там старика потеряли, но видели, что некто бродит по развалинам Кордейла.

– Может, это был не ваш охотник, а кто-то другой?

– Два человека в такой глуши? Они наверняка связаны между собой. Позвольте мне отправиться к Кордейлу, отыскать и допросить охотника, добрейший брат?

– Нет, добрый Архольд, вы нужны мне здесь. Пожалуй... добрый Хагней, возьмите на себя этот труд.

Великий магистр принял решение: пусть смутьян Архольд остается в Доме Света, под присмотром. А Хагней лучше усласть, это разом ослабит оппозицию. Без дружка-заводилы здорово Хагней не опасен... Чем бы занять его, чтобы не возвращался подольше?

– И не считите за труд, – добавил Могвид, – когда отправитесь на восток, сделайте крюк – загляните в Раамперль. Быть может, сумеете выследить оборотня.

– Это может занять много времени, – вставил неугомонный Архольд. – Если братья изъявят согласие, я отправлю с добрым Хагнеем своих людей, опытных охотников. Брата Бремека, к примеру.

– Э-э-э... – протянул Хагней. Он был тугодум и не сообразил, к чему ведет приятель. Верзился заворочался на стуле, чтобы перехватить взгляд Архольда. Тот многозначительно кивнул и медленно опустил веки.

– Благодарю за помощь, добрый брат, – важно прогудел толстяк. – Я не слишком-то здорово разбираюсь в повадках оборотней, опытные ловчие не будут лишними.

– Приятно видеть столь трогательное согласие между нашими добрыми братьями, – легкомысленно вставил Воттвульк. – А то все какие-то таинственные разговоры о необходимости перемен, недомолвки, перешептывания по углам. Я человек простой, я таких штучек не люблю.

После этой тирады добрейшему Могвиду ничего не оставалось, как позволить Архольду отправить охотников с Хагнеем. Да еще и скрыть недовольство.

– Конечно, добрые братья, – с притворной улыбкой кивнул великий магистр, – наше единство должно быть нерушимо, споры, зависть, глупое соперничество недопустимы между своими. Отправляйте ловчих с Хагнеем, брат.

А вот улыбка Архольда была непритворной.

* * *

Сборы заняли не много времени, Хагней, хотя и казался неповоротливым увальнем, всегда был легок на подъем. Великий магистр велел верным братьям следить, о чем Архольд станет шептаться напоследок с толстяком, но эти двое почти не встречались. Стало быть, сделал вывод добрейший Могвид, Архольд полностью доверяет своим ловчим – все, что требуется, они объяснят увальню Хагнеем в пути. Значит, нужно заметить, кого Архольд снарядил на охоту. Он доверяет этим братьям, посвятил их в свои замыслы? Они бунтовщики. Могвид велел потихоньку уточнить имена братьев из свиты Архольда.

Старшего ловчего звали Бремеком. Это был высокий подвижный мужчина тридцати лет. Под обычным для добрых братьев белым плащом он носил бурый кафтан и при всяком удобном случае скидывал орденский наряд. Охотник он в самом деле был отличный, великолепно знал повадки животных, а людей не любил. Бремак терпеть не мог, когда при нем поминали Лорда Тьмы Феттаха Повелителя Зверей, поскольку считалось, что этот злодей знает о тварях больше всех людей Круга, не исключая знаменитого ловчего. Заветной мечтой Бремека было умертвить Спасителя Мира Феттаха, чтобы самому стать лучшим... На этой почве он и сошелся с добрым Архольдом – тот считался сторонником открытой войны с Лордами Тьмы.

Едва конвой удалился от Дома Света, Бремак пристроился рядом с магистром и принялся толковать о делах, какие следовало исполнить, по мнению доброго Архольда. Из рассуждений охотника вытекало, что возглавить Орден полагается именно его господину, поскольку Могвид состарился и не способен более вести добрых братьев к победе над злом. Орден нуждается в новом великом магистре, который объявит наконец войну Лордам Тьмы.

Хагнеем не хотелось спорить, но смолчать он тоже не мог. Толстяк шумно прочистил горло, сплюнул и возразил:

– Как раз Могвид – единственный, кому удалось одолеть Лорда.

– Да, добрый Хагней, – поспешно согласился ловчий, глядя на грузного собеседника искоса, одним глазом, по-птичьи, – именно так! Вот поэтому старик не желает, чтобы его подвиг был повторен! Как же, Могвид – герой, единственный и неподражаемый. Он взял замок Крыла Ночи, потому и стал главой Ордена. Как вы полагаете, магистр, кто возвысится после него?

– Архольд? – осторожно предположил верзила.

– Тот, кто снова повергнет Лорда Тьмы! – важно пояснил охотник. – Вот Могвид и боится соперников, а потому запрещает нападать на Спасителей Мира... и еще...

Ловчий заговорщически оглянулся и, понизив голос, закончил:

– А еще он в дружбе с Лордами. Он их тайный союзник в Ордене! Ведь и Кордейла он победил при помощи барона Лажваша! Моровая Язва предал сообщество Лордов, зато обзавелся своим человеком в братстве, да еще каким человеком! Теперь Могвид пляшет под дудку Лажваша, Лордов не беспокоит, но ревностно следит, чтобы не появился собиратель. А Лажвашев сынок приглядывает, чтобы все было шито-крыто.

Голос охотника странным образом напомнил Хагнеем змеиное шипение.

– Собиратель опасней Лордов, – упрямо возразил верзила магистр.

Ему было неприятно выслушивать поучения Бремека, потому и спорил. Вообще-то Хагней был согласен с доводами спутника, он и сам рассуждал сходным образом, но толстяку не нравился оборот, который приняла беседа, – будто охотник разбирается лучше магистра!

– Собиратель опасней, – гнул тем временем Бремек. – Но лишь покуда здравствуют Лорды. Они – главная и самая желанная добыча для собирателя. Вот ежели, к примеру, вор собрался завладеть огромным богатством, ему проще ограбить одного богача, чем тысячу голодранцев. Если не станет Лордов Тьмы, собиратель будет вынужден охотиться на мелких злодеев... да ему всей жизни не хватит, чтобы исполнить миссию! Когда мы уничтожим Лордов, тогда и собирателя можно не опасаться.

– Да я сам так же считаю... – наконец протянул Хагней. – Но пока Спасители Мира живы, нам следует и приход собирателя не прозевать.

– Конечно, добрый Хагней! Потому мы едем к руинам Кордейла... верней, вы едете. Я-то останусь в Раамперле. Буду ловить волчару, да заодно и приказы доброго Архольда исполню. И вы, магистр, как сможете, возвращайтесь ко мне. Я постараюсь с волком-то не торопиться, чтобы вы успели в Раамперле появиться.

– А что нужно делать-то? – осторожно пропыхтел толстяк. Наконец-то добрались до сути.

– Следует всем объяснить, что зло ныне исходит от Лордов Тьмы. И что Орден мог бы защитить людей от Спасителей Мира, да великий магистр воспрещает нам действовать.

– А смысл? Архольд мне этого не говорил... я замечаю здесь угрозу для Ордена. Если люди станут недовольны...

– Добрый Архольд не мог говорить о подобных вещах открыто, пока мы пребывали в Доме Света, на глазах добрейшего и Лидвиха. Мне велено изложить вам замысел, магистр Хагней, по дороге.

– Ну, так?..

– Нужно, чтобы люди озлились на Спасителей Мира, – благо есть за что! Но доброму Архольду желательно, чтоб народ обратился за помощью в Дом Света, пусть делегации общин донимают руководство Ордена мольбами и требованиями, пусть упрекают в бездействии. Чем крепче станет упираться добрейший, тем скорей возрастет недовольство его политикой.

– Могвида так не свалить.

– А и не надо! Мы же братья, как можно против старшего злоумышлять? – В голосе охотника было искреннее удивление. Он хорошо изучил лисьи повадки и умело копировал притворство зверя. – Но необходимо вынудить добрейшего принять правильное решение. Пусть только великий магистр изволит дать приказ, пусть объявит поход на Спасителей Мира. Ну а уж там... В битвах себя покажут новые герои, вроде вас, магистр.

Если бы у Бремека был хвост, ловчий бы теперь старательно вилял хвостом. Как собака.

* * *

Раамперль – большой город, один из крупнейших на юге, иными словами, здешняя община – одна из наиболее многочисленных в Круге. На севере почти не осталось больших городов, их погубили изменения климата, вызванные деятельностью Анелы Ведьмы Севера... и приходящие с запада эпидемии, последствия экспериментов Лажваша. Тамошние убогие поселения живут в постоянном страхе, платят дань Ройнгарду Железной Руке, им никак не подняться. Они бы и рады попросить помощи Ордена, да боятся. К тому же кто станет прислушиваться к требованиям бедных малочисленных общин? Поэтому тамошние древние города угасают. Разве что Айхерн, столица старого королевства... но айхернские патриции слишком горды, чтобы обращаться в Орден.

Богатые сильные города поднимаются на юго-востоке Круга, вот кто мог бы повлиять на мнение орденских шишек. Потому Архольд и озаботился отправить сюда с Хагнеем своих

людей – появление оборотня определило: начать можно с Раамперля. Удобный повод, а Раамперль как раз подходящее место. Город удачно расположен, здесь торговцы из центральных областей Круга встречаются с эмиссарами южных Лордов Тьмы, Феттаха и Алхоя, сюда не могут добраться холодные ветры Анелы, разбойничьи дружины Капитана Ройнгарда и ядовитое дыхание барона Лажваша. Раамперль растет и богатеет, скоро он затмит более древние города, имеющие куда как славную историю, но зато удаленные от пересечения торговых путей. Эпидемии и холодные ветры изменили географию Круга, а значит – изменили направление потоков товаров в Круге. Теперь Раамперль – столица купцов, отсюда торгаши разносят новости, каждое слово, произнесенное на рынке Раамперля, отзовется эхом по всему Кругу.

К мнению здешней общины непременно придется прислушаться всем, даже капитулу Ордена. Даже упряму Могвиду.

Когда Раамперль показался на горизонте, Хагней оглядел город с удивлением. Магистр давно не бывал на юге и отвык от мирного вида здешних поселений. На севере всякий уважающий себя город окружен стенами, снаружи напоминает крепость и живет в непрестанном страхе перед солдатами Лорда Тьмы Ройнгарда Железной Руки. А Раамперль вольготно раскинулся на склонах пяти широких холмов, в городе речушка Гамхата впадает в судоходный Бодель. Здесь товары юга грузят на барки и отправляют вниз по главной водной артерии Круга. Бодель течет на северо-запад, широкой дугой огибает Могила Повелителя, его воды наполняют рвы, окружающие Дом Света... потом он меняет направление и устремляется на север, потом сворачивают к востоку... и далее воды великой реки растекаются множеством рукавов, теряются в топях, посреди которых затаился Уйгор Темный... они же замерзают во владениях Ведьмы Севера, возвращаются на юг снегом злых буранов, которые насылает Анела. Но холода где-то там, далеко, а в Раамперле – покой и процветание. Тем больше внимания привлекают редкие неприятности вроде появления оборотня. Раамперль не нуждается в стенах, здешние люди не боятся нашествия, напротив – рады любому гостю. Приходите в Раамперль, продавцы и покупатели, всякому здесь отыщется местечко на рынке. Приходите, приезжайте, приплывайте по мутным волнам Боделя...

– Даже стен нет... – протянул толстый магистр, оглядывая панораму с холма. Он придержал коня, чтобы полюбоваться огромным городом. Мимо остановившихся воинов неторопливо катили телеги, возницы косились на гиганта в белом. – Отвыкли, должно быть, от бед... Неудивительно, что народ здесь сделался трусоват и не может самостоятельно управиться с оборотнем.

– Не в обиду вам, добрый Хагней, взрослый волк-оборотень – это непростая добыча. Даже для меня непростая. Да он и не здесь промышляет.

– Он?

– Я о волке. В городе спокойно, а зверюга охотится в округе. В захолустье нет никого, кто мог бы дать отпор хищнику.

– Жалобы пришли в Дом Света из Раамперля, – заметил магистр, трогая коня. – Хотя, конечно... деревенские явились сюда, подали жалобы братьям в представительстве Ордена...

– Именно так! – поспешил согласиться охотник. – Вы уж велите, добрый Хагней, чтоб здешние братья оказывали мне содействие.

– Разумно ли посвящать их в тайны?

Бремек поморщился – ох и туп магистр! Но, отвечая, постарался не выдать досады.

– Да я не о том, – старательно выдерживая спокойный тон, пояснил ловчий, – пусть местные помогут в охоте. Я выслежу зверя, найду его норы, тайники... Не исключаю, что, приняв человеческий облик, оборотень и в Раамперль наведывается. Словом, я постараюсь все здесь разнюхать и подготовиться. Потом дождусь вашего возвращения, тогда и обложим зверя. Добрый Архольд сказал ясно: честь победы должна достаться вам, магистр.

Хагней важно кивнул.

– Что ж, начнем с того, что наведаемся в представительство Ордена.

* * *

Всадники спустились с холма и вскоре достигли предместья. Дорога превратилась в улицу, пока еще достаточно широкую, чтобы двигаться без остановок в плотном потоке пешеходов и телег. Потом дома слева расступились, показался мост через Гамхату, блеснула веселая голубая лента реки... За мостом стало тесно, Хагней придержал коня, а ловчему пришлось отстать, – здесь воины в белом поехали гуськом. Вокруг шумели люди – возницы беззлобно переругивались из-за места в неторопливом шествии, бранили раннюю осень. Где-то перекликались визгливыми голосами женщины, пронзительно рыдал, заходясь плачем, младенец... Магистр почувствовал себя неловко – слишком людно, все беспечные, легкомысленные. Слишком шумно. Слишком много жизни вокруг. Хагней отвык, позабыл, как ведут себя мирные обыватели. Мирные! В Раамперле не чувствовалось угрозы, здесь не ощущалось и страха перед оборотнем... Местные не слишком озабочены бедами Круга и преспокойно могут дать волю низменным страстишкам. Суетное местечко!

По мере продвижения к центру, дома становились выше и богаче на вид, а улицы сделались узкими, так что поток путников двигался еще медленней, несколько раз пришлось и вовсе остановиться...

Улица впадала в рынок, как ручеек в болото, – здесь крик стоял оглушительный, и Хагней с трудом подавил желание надеть шлем и опустить забрало, чтобы отгородиться от суеты надежной сталью. Повсюду сновали, брели, семенили люди в разнообразных одеяниях – от купцов в богатых, украшенных мехом плащах, до нищих попрошаек в лохмотьях. Все перекликались, отталкивали друг дружку, бранились, препирались о ценах, хохотали...

Бремек ткнул пятками коня и догнал магистра, при этом он оттолкнул нескольких прохожих, что вызвало новый взрыв возмущенных воплей. Не обращая внимания на крикунов, ловчий привстал в стременах и проорал, указывая вытянутой рукой:

– Добрый Хагней, свернем туда! Там тише!

Толстяк кивнул, разворачивая огромного жеребца – последовал новый поток брани. Базарная толпа раздалась перед массивным корпусом лошади. Всадники выбрались из толкотни и оказались в широком ряду.

– Невольничий рынок, – пояснил охотник, – здесь посвободней. Проедем до конца и выберемся к центру.

За поворотом в самом деле народа было немного, рабы – дорогой товар, немногим по карману. По обе стороны тянулись клетки, большинство пустовало. Перед теми, в которых копошились невольники, кучками стояли купцы, неторопливо разглядывали. Хагней послал коня по проходу, ему хотелось скорей миновать неприятное место. В клетки магистр старался не глядеть, но краем глаза успевал заметить тупое равнодушие на лицах узников. Наверное, смирились с собственной участью...

Больше всего покупателей собралось перед длинной клеткой, там и товара было много, десятка два мужчин и женщин. По знаку купца в ярко-красном одеянии хозяин выволок из-за решетки девушку.

– Беру, – объявил покупатель. – Шесть рейкеров.

– Шесть рейкеров? – с наигранным удивлением повторил продавец, рослый плечистый мужчина с длинным лицом, едва ли не до самых глаз заросший жестким волосом. Несмотря на немалый рост и широкие плечи, работороговец не казался особо крупным, потому что сильно сутулился. – Да ее одежка обошлась мне дороже! А цепи на ногах? Погляди, какие цепи! Совсем новые! Тяжелые! Прикинь, сколько металла пошло на цепи! Или ты собираешься расковать красавицу? Да она сбежит в пути. Знаешь, какая шустрая!

– Можешь раздеть ее, – кивнул торговец в красном, – но цепи оставь. Семь.
Девушка разрыдалась.

– Одиннадцать.

– Ты хочешь разорить моего господина?

Торг не заинтересовал Хагней, и магистр снова ткнул жеребца пятками в бока – ему хотелось поскорей миновать это место.

– Господин, добрый господин! – неожиданно завизжала невольница. – Добрый брат! Спасите меня! Защитите, это же ваш долг – защищать невинных! Поглядите, кто меня покупает!..

Продавец не глядя ткнул девушку локтем под дых, так что та поперхнулась криком и села в грязь.

– Ладно, десять рейкеров, – бросил он купцу в красном, – и то лишь потому, что мне надоел ее визг.

Хагней отвернулся. Он прекрасно понимал, что человек в красном покупает невольников для Алхоя Прекрасного Принца... Это его люди носят алые одеяния.

– Ох, бедное дитя, – раздался за спиной магистра голос Бремека, – мы-то и рады бы тебе помочь, да волей великого магистра нам запрещается чинить препятствия слугам Лордов Тьмы, покуда они приходят к нам с миром. Моя бы воля, я бы... Эх!

Ловчий, притворяясь, что злится, ударил коня плетью и поскакал вдоль прохода. Из-под копыт коня летели пластинки грязи...

– Так вот какова ваша служба добру! – прохрипела вслед охотнику девушка, держась за грудь. – Меня зовут Элина! Запомни, ты! Элина! Пусть это имя преследует тебя ночами во сне! Элина! Элина!

Хагней расслышал имя и окончательно огорчился. Хм, Элина... теперь он и впрямь не сможет забыть... Поганое воспоминание! Магистр понимал, зачем ловчий пожаловался на злую волю великого магистра – это часть плана доброго Архольда. Неприятно, что приходится участвовать в подобном... но что делать! Когда куют меч, выходит немало копоти... Элина... Магистр тоже прищипорил коня, спеша догнать Бремека. Колонна воинов в белом, гремя доспехами, выехала из рыночных рядов.

Дальше пошли мощенные камнем улицы старой застройки, а трехэтажные здания, кажется, были возведены еще во времена Повелителя. Пешеходов стало меньше, зато в окнах там и сям торчали скучающие горожанки. Жизнь здесь сытая и спокойная – так что у хозяек есть досуг наблюдать за улицей.

– Почтенная женщина, – окликнул Хагней одну, которая показалась толстяку приятней соседок, – не скажешь ли, как мне отыскать представителей Ордена?

Хозяйка, дородная, крупная женщина, оглядела толстого магистра с головы до ног и, должно быть, осталась довольна зрелищем.

– Вы верно едете, добрый господин, – низким грудным голосом протянула горожанка, – вам во-он туда, там направо свернете, и дальше все прямо и прямо. Попадете на площадь, увидите ратушу, это самое большое здание, а по правую руку – дом поменьше, это и есть представительство. Ваши, стало быть.

Указывая, куда ехать, толстуха высунулась из окна, и Хагней с удовольствием наблюдал, как ее бюст колыхнется при каждом движении.

– Спасибо, почтенная, – с достоинством кивнул магистр.

Он смотрел на крупную горожанку, но из памяти не шла тощая девчонка с невольничьего рынка. Элина, надо же, как прицепилась... Вот заноза! Хагней поехал согласно совету толстой горожанки и в самом деле вывел кавалькаду на площадь. По левую руку лежала широкая набережная, там протекал Бодель. Вдоль набережной двигались пестро одетые горожане. Наверное, обычное место прогулок лучших людей города. А здание представительства Ордена

смотрелось довольно скромно рядом с высоченной ратушей, украшенной многочисленными статуями.

В представительстве высоких гостей не ждали, Хагней собрался второпях, послать гонцов никто не догадался. Поэтому появление магистра застало местных братьев врасплох. Они спешно принялись одергивать белые плащи, без надобности кланяться доброму Хагнею... Магистр остановил ненужную суету и велел:

– Сперва пообедаем. Сумеете накормить мою свиту?

Старший из раамперльских братьев оправился и – снова с многочисленными поклонами – предложил располагаться. Он велит накрыть стол в большой зале, но если высокий гость проголодался, можно подать легких закусок... Хагней любил поесть, но решил не портить аппетит наспех собранной снедью.

– Пусть ваши люди поторопятся. Я подожду обеда. Ну а уж после и поговорим. На пустое брюхо разговор не ладится.

Стол накрыли с похвальной поспешностью, да и приготовлено все оказалось отменно. Гостям подали свинину под острым соусом, пирог с дичиной, вдоволь было и вина. Здешные края славились виноградниками, так что старший из раамперльских братьев, по имени Астус, щедро подливая в кубки гостей, сопровождал трапезу занятными рассказами – он прекрасно разбирался в сортах вин, мог красочно и увлекательно описать, из какой местности доставлен тот или иной бочонок, какие легенды бытуют в помянутых краях и каковы традиции тамошних виноделов. Обед удался на славу, настроение Хагнея улучшилось, и, насытившись, он заговорил вполне благодушно:

– Меня привели сюда жалобы, направленные в Дом Света.

– А, волк-оборотень! – кивнул Астус, снова подливая магистру вина. – Попробуйте, добрый Хагней, этого. Легкий приятный сорт, к мясу я бы не советовал, а на сытый желудок, к славной беседе – то, что требуется! Так вот, что касается волка... Видите ли, добрый Хагней, у меня просто не хватает людей, чтобы уследить за всем. Честно сказать, с ног сбился. Больше всего хлопот с переселенцами.

– С переселенцами?

Магистр прежде занимался делами на севере, здешних проблем не знал.

– Ну да, – принялся объяснять Астус. – После того, как пал Кордейл, тамошний край остался без господина, и Ордену пришлось взять на себя заботу о восточной области. Наше отделение осуществляет протекторат над областью Кордейла... Когда я принял здесь дела, ситуация была крайне запущенной. Если б вы знали, с каким трудом мне удалось навести порядок...

Братья, подчиненные Астусу, с жаром принялись поддакивать – мол, в самом деле, их добрый предводитель ночей не спит... да и вовсе не ведает покоя, зато на востоке власть Ордена наконец-то установилась полностью! Хагней отметил, что здесь знают, как угодить начальству, – вон как своего главу нахваливают!

– В самом деле, – продолжил Астус, – ведь некоторые общины области Кордейла вздумали оказать неподчинение! Захотели сами управлять! Это прислужники Лорда Тьмы-то! Представляете?

– Не подчинялись воле Ордена? Ай-яй-яй, как глупо, – покачал головой Бремек. – Ведь наш доблестный магистр одолел Крыло Ночи! Как же вассалы Графа посмели после этого не слушаться приказов победителя! Впрочем, я понимаю... после этой славной победы силы Ордена были подорваны... воистину, эта славная победа едва не погубила братство. Смутьянам могло показаться, что удастся отстоять свою самостоятельность... Да, брат Астус, я понимаю – вам нелегко пришлось.

Хагней поморщился – слишком уж прытко берется за дело ловчий. Астус отнес недовольную гримасу магистра на свой счет и торопливо принялся оправдываться:

– Разумеется, мы вколотили в бунтовщиков почтение к новым господам, но это потребовало времени и сил. Теперь мы постепенно заселяем восточный край, отправляем отсюда, из Раамперля, конвои беженцев – во главе с нашими людьми и под нашей охраной. Сюда сходитесь народ из северной и западной четвертей Круга. Зима наступает, солдаты Капитана Ройнгарда тоже, знаете ли...

– Знаю, бился с ними не раз, – кивнул магистр.

– Стало быть, представляете, что тамошние людишки бегут сюда, надеются прокормиться... О наших краях идет добрая слава... но она преувеличена! Раамперль не в силах дать работу всем желающим, а округа заселена достаточно плотно. Беженцам приходится туго, они голодают... я слышал, иногда отцы продают сыновей и дочерей в рабство, чтобы прокормить семью!

Хагней припомнил крики Элины на невольничьем рынке и снова помрачнел.

– И Орден, разумеется, приходит на помощь беднякам, – закончил Астус. – Мы даем беженцам возможность поселиться во владениях поверженного Графа Кордейла, под нашей опекой. Я писал об этом в Дом Света... просил помощи...

Астус развел руками.

– И ваши письма, разумеется, осели где-то в канцелярии великого магистра, – злорадно заметил Бремек. – Добрейший Могвид чересчур озабочен судьбами Круга, ему не до мелочей.

– Не мне судить, к чему обращены думы добрейшего, – осторожно откликнулся глава раамперльского представительства, – но сами судите, есть ли у меня возможность заниматься этими нападениями? Оборотень – такая трудная добыча...

– Изловить оборотня – задача весьма сложная, – согласился ловчий, – по плечу только настоящему специалисту, да и для него – великий труд.

– Об этом животном поговорите с братом Бремеком, – объявил Хагней, – он отлично разбирается во всяких охотничьих премудростях. И вообще, толковый брат, прислушивайтесь к его словам. А меня больше интересуют доносы относительно собирателя. Давайте поговорим об этом.

* * *

– Собиратель... – Астус замялся и неуверенно покосился на соратников. Должно быть, искал поддержки. Доброму брату стало страшновато – а вдруг он зря поднял тревогу, вот даже магистр пожаловал из Дома Света! А ну как он, Астус, принял за собирателя выжившего из ума старикашку? – Понимаете ли, добрый Хагней... в этом деле все так непросто... да и собиратель ли там, у Черной Горы?.. Не желаете ли еще глоточек светлого?

– Не откажусь, – магистр с готовностью протянул кубок, – не смущайтесь, брат Астус, с собирателями в самом деле всегда непросто... Но в важном вопросе куда лучше проявить излишнее рвение, чем проворонить самый невеликий намек! Судьба Круга, быть может, зависит от... г-хм... да, благодарю...

Толстяк сделал «глоточек», наполовину опустошив кубок, и кивнул щедрому кравчему:

– Словом, продолжайте, брат!

Обнадеженный Астус тоже выпил – с облегчением – и заговорил уверенней:

– Дело было вот как. Казнили преступника. Матерый душегуб, попался с поличным... троих зарезал, прежде чем удалось его схватить... а может, и не троих, а более. Но так или иначе, дело заурядное. Словом, короткий суд и длинная веревка, все как обычно. Казнили на площади... народу нравятся подобные зрелища, собралась толпа...

– Понимаю, – кивнул Хагней, с удовольствием прикладываясь к кубку.

– В общем, простая история, – Астус потянулся за кувшином. – И надо же такому случиться, один из наших братьев, вот этот самый Кервин, – рыцарь указал самого молодого из

участников застолья, – заметил, что некий старик ведет себя странно. Кервин, расскажи доброму Хагнею, что ты увидел.

Юный воин покраснел от смущения, а возможно, и от выпитого – он старательно подражал старшим товарищам, так что и на хмельное налегал не хуже других. Но, совладав с собой, Кервин заговорил четко и размеренно:

– Этот старик регулярно навещается на наш рынок, примелькался. Меня иногда отправляют купить дичины к столу, так что я его давно заметил.

– Он продает дичь? – деловито уточнил Бремек.

– Нет, шкуры. Издалека приходит, так что мясо тащить – ему резона нет.

Ловчий удовлетворенно кивнул.

– Так вот, старик со шкурами... Очень приметный, хромает, через все лицо – здоровенный шрам, правого глаза нет.

– Шрам свежий?

– По-моему, старый, – неуверенно промолвил юноша.

Хагней благосклонно кивнул – мол, продолжай. Конечно, откуда молоденькому пареньку знать о шрамах... В здешнем краю не случилось войн полных двенадцать лет.

– В общем, я узнал старика. Он стоял неподалеку от эшафота, а я – наверху, среди стражи. И вот, когда душегуба поставили на скамеечку, я гляжу, а дед-то – единственным глазом так и зыркает на злодея! И руку тянет. Ну, то есть поднял перед собой и пальцы растопырены. А губы шевелятся, что-то бормочет, бормочет... Мне даже не по себе сделалось! Вообще-то, люди, когда на казнь глядят, разное вытворяют – кому нравится, а кому страшно... а этот очень уж пристально уставился. Глаз-то один, и так на убийцу глядел, будто дыру взглядом сверлит. Но тут судья закончил читать, палач скамеечку выбил, все кричать начали... руками замахали... крик поднялся.

– Народу по душе, когда возмездие настигает преступника, – заметил Астус. – В Раам-перле правосудие...

Хагней поднял руку, останавливая Астуса, и кивнул молодому брату.

– Ну а после я уже старика не видел, – закончил рассказ юноша. – Все зашевелились, заговорили, а потом стали расходиться. Но я запомнил, что было на площади, и брату Астусу рассказал.

– Подозрительная история, верно? – Астус наполнил кубок высокого гостя. – Собиратель или нет, но... Словом, я решил, что не повредит проследить за старикашкой. Расспросил кого мог. Верные люди сказали – этот старик из восточного края, со стороны Черной Горы в Раам-перль приходит. Ну а тут как раз и конвой поселенческий пришла пора отправлять, так я велел, чтобы с конвоем следопыты шли. Ну, как бы охрана конвоя, а на самом деле – за стариком проследить.

– Верное решение, – одобрил Хагней. – И что же доложили следопыты?

– Сперва одноглазый шел не таясь по тракту. Долго шел, мешок у него тяжелый. Он соли в городе купил и муки. С такой ношей хромой вприпрыжку не побежит. Потом, уже в прежних владениях Крыла Ночи, в лес свернул. Мои люди его след, конечно, вскоре потеряли...

– Вскоре?

– Ну а как же... – протянул Астус. – Старик опытный, матерый, даром что хром! И места ему знакомы. Неудивительно, что ушел. Однако успели заметить, он держал путь к югу от Черной Горы. Стало быть, за горой где-то у него логово. Там леса вовсе глухие, страшные. Поселенцы в те края и носу не показывают, да и местные, из прежних вассалов Кордейла – тоже стараются без нужды не соваться.

– Это все? – встрял Бремек.

– Нет, брат, не все. Мои люди поселенцев привели к обжитым краям, да заодно расспросили местных... ну, которые из прошлых партий. Те сказали – на руинах Кордейла видели

человека. Тот ли, нет ли – трудно сказать. Хромоты не заметили, глядели издали, а к руинам честному человеку приближаться не следует. Но одет был человек как будто в меховую куртку, в черную. И на старике такая.

– Темная история, – покачал головой магистр. – Что ж, будем разбираться! Брата Бремека я оставляю здесь, о волке ему все расскажете, и любую поддержку, какая потребуется...

– Окажем поддержку! – твердо пообещал Астус. – Все, что доброму брату потребуется!

– Вот и славно, – подвел итог Хагней. – Благодарю, братья, за угощение... устал я с дороги что-то...

Толстяк поднялся и почувствовал, что ноги слушаются плохо. Светлое вино оказалось коварным. Участники застолья торопливо вскочили вслед за магистром. Тот зевнул и молвил:

– Проводите, братья, что ли... отдохну, да завтра отправлюсь к Черной Горе. Отрядите мне в помощь своих следопытов, брат Астус. А насчет оборотня... ах-х-х...

Магистр снова не сдержал зевоту.

– А насчет оборотня с братом Бремеком... ах-х-х... уже без меня.

2

Утром Хагней отправился в путь. Сопровождали толстяка восемь братьев из его собственной свиты, да вдобавок Астус отправил двоих местных, посулил, что это – лучшие следопыты, каких только можно сыскать в здешнем краю. На постоянной службе в Ордене эти двое не состояли, но частенько выполняли поручения Астуса – в основном сопровождали поселенцев на восток. Двенадцать лет назад Орден по праву победителя присвоил прежние владения графа Кордейла, и теперь пустынные земли постепенно заселялись. За новыми подданными следовало следить, этим занимались уполномоченные Ордена, но и парням, которых Астус представил магистру, находилось дело.

Звали следопытов Олвис и Гнезд. Оба тощие, поджарые, в темных просторных одеждах. Вооружены луками и короткими копьями, на поясах – широкие ножи.

Прощаясь с Бремом, добрый Хагней поинтересовался мнением ловчего относительно проводников. Бремек подумал и вынес вердикт:

– Эти двое – еще ничего. Если хорошенько постараются, сумеют отыскать медный шульд в собственном кармане... Но лучших вам, магистр, здесь не найти. Места больно обжитые, сытые. Рядом с большим городом леса всегда бедны зверьем, так что народ не обучен охотиться по-настоящему.

Хагней знал о том, что Бремек непременно будет наговаривать на собратьев-охотников – из вечной зависти и ревности к чужой славе. Раз не слишком ругает, значит, проводники достались толковые.

– Ладно, – заключил толстяк, – раз уж лучших не найти, воспользуемся этими, как их... Олвисом и Гнездом. А ты здесь уж не оплошай, сыщи оборотня.

– Приложу старание, – кивнул Бремек. – Но сам брат не стану, подожду вас, магистр.

– Я вернусь, как только проверю слухи насчет собирателя, – кивнул толстяк.

– Удачи, добрый Хагней.

– Да пребудет с тобой Свет.

Распрощавшись с магистром, Бремек потребовал и для себя проводников из местных. При ловчем было трое помощников, люди бывалые, опытные, но окрестностей Раамперля они не знали. А ловчему хотелось, не теряя времени, осмотреть места, где оборотень разбойничал последнее время, а также расспросить жителей, кто может рассказать о волке.

– Кто его видел, того уж нет, – заметил Астус.

– Я знаю, что такое матерый зверь, – значительным тоном произнес Бремек, выделив голосом «знаю». – Потому и сказал «места». Быть может, следы какие-то остались.

– Я бы сам отправился на охоту, – вздохнул глава представительства, – да не смогу, жаль. У меня на руках дела провинции, граница с владениями Алхоя, да еще поселенцы на востоке... Нет никакой возможности отлучиться, никогда не знаешь, какие новости могут сюда прийти. А хотелось бы самому принять участие...

Бремек понял намек и пообещал, что о каждом значительном открытии станет сообщать местному начальству.

– Тогда я снаряжу с вами побольше людей, – решил Астус, – чтоб было, кого гонцом отправить. Не гонять же вам, добрый брат, своих.

Ловчий кивнул – ясно, с ним пойдут преданные Астусу парни, которые станут следить за каждым шагом столичного гостя. Но это дело неизбежное, Бремек с самого начала подозревал, что большой свободы ему не предоставят. Попросил только:

– Хорошо, только пусть ваши... э... посыльные держатся позади, не суются под руку.

Старшим над помощниками ловчего Астус назначил некоего Дорчика. Этот был довольно значительной фигурой в местном представительстве Ордена, носил титул рыцаря

(как и сам Бремек), и обращаться к нему следовало не иначе как присовокупляя к имени «брат». Дорчик был худощавым мужчиной среднего роста, с унылым длинным лицом, на котором выделялся вислый красный нос и черные усы. Больше ничего примечательного в добром брате Бремек не обнаружил. Местный рыцарь был не слишком умен, но и не дурак. Ходил в кольчуге, носил меч, но за оружие не хватался. Не орал, не ругался, но не был и тихоней... Обычный человек. При нем состоял десяток молодых служителей Ордена – солдаты, конюхи, оруженосцы.

Бремек скептически оглядел помощничков, но от брани воздержался – ему следовало произвести на местных хорошее впечатление и держаться дружелюбно, это неперемное условие, иначе не исполнить задания доброго Архольда. Ловчий подумал, что оставаться добреньким с местными недотепами трудней всего. Легче поймать оборотня, чем быть ласковым с неумехами... да ничего не поделать.

– Ладно, – бросил, – отправляемся в путь, добрый Дорчик. Показывайте, где ваш оборотень появлялся...

* * *

Возглавлявший колонну Дорчик объехал боковыми улочками базарную площадь и направился в сторону пригорода. Бремек постарался запомнить объезд, очень уж людно и шумно было на раамперльском рынке. Ловчий решил, что постарается впредь избегать толкучки.

На тракт добрый брат не стал выезжать, повел колонну на мост. Пересекли Гамхату и покинули город.

– Объедем по окружному тракту, – пояснил проводник.

Бремек кивнул и приготовился к долгой езде вокруг большого города, но брат Дорчик вскоре свернул в сторону. Вдоль дороги потянулись изгороди, за ними – огороды, добротные приземистые дома, служебные постройки. Запахло навозом и сырой землей. Здесь жили фермеры, снабжающие Раамперль продуктами. Потом начались пашни... Пшеница и рожь уже созрели, когда налетал ветер, по полю ходили волны. Между полей встречались неширокие полосы леса. Деревья сплошь молодые, потому что древесина здесь в цене – городу постоянно требуются дрова и строевой лес.

– Заедем в деревню, там захватим свидетелей, – бросил рыцарь.

– Есть свидетели нападения? – ловчий удивился.

– Нет, те, кто первым нашел мертвецов.

Брат Дорчик обратился к пожилому крестьянину, тот без особой охоты согласился проводить господ охотников. За деревней начался лес, но не дремучая чаща, а светлый, прорезанный солнечными лучами молодой лесок. В таком не то что дичи – и грибов осталось немного, должно быть. Неподалеку от жилья лес бедный и не страшный.

Дорога шла через заросли, здесь-то и подстерег запоздалых путников оборотень. Место отмечало сломанное тележное колесо, подвешенное у обочины на сук. Между спицами торчали связки увядших цветов – оставили родичи убитых, когда забирали тела. Жертвой стал богатый селянин, который промышлял кое-какой торговлишкой. Вozил в Раамперль на рынок овощи, там закупал разнообразную мелочь, скобяной товар, свечи, ткани – это продавал землякам. В дальние поселения купцы не заглядывают, так что есть возможность подзаработать местным, кто половчей. Волк прикончил торговца и работника.

Крестьянин принялся рассказывать, тыча корявым черным пальцем в кусты и на дорогу:

– Здесь вот они и стояли. Должно быть, собирався купец до города к ночи добраться, да малость припозднился. Телега вон в тех кустах застряла, упряжь порвана, а лошадка с пере-

пугу умчалась. Потом нашли лошадку-то, родным покойного в целости передали. Хорошая лошадка... Так я говорю, вон там телега...

Старик говорил и говорил, но Бремек уже не нуждался в пояснениях. Он видел раздавленные, изломанные кусты, различал колеи, оставленные телегой. Опытному охотнику все было ясно, картина нападения сама собой вставала перед глазами. Вот здесь началось – волк прыгнул из кустов, обрушился на возницу, лошадь ошалела со страху, волк с купцом свалились на дорогу, телега влетела в заросли, упряжь разорвалась, а второй ездок вылетел из повозки. Вряд ли он успел встать, волк прыгнул ему на спину.

Бремек, пригнувшись, скользнул вдоль дороги, присел, подцепил слипшийся ком грязи, растер между пальцев – точно, кровь. Здесь погиб возница. Потом ловчий метнулся к кустам, где зверь загрыз того, кто вылетел после рывка. Конечно, не один прыжок... два, пожалуй. Матерый зверь, но движется легко. Охотник побежал к кустам, откуда выпрыгнул оборотень. Точно, остались следы, даже серые волоски на колючках. Старик-свидетель смолк, с удивлением разглядывая странного чужака. Бремек прошелся еще раз по месту побоища, потом резко развернулся и остановился перед крестьянином:

– Недели не прошло, так?

– Пять дней, господин...

– А дорогу уже изъездили... Как выглядели мертвецы? Сильно их зверь разделал?

– Страх глядеть, в куски разорваны. Того, второго, из кустов по частям и выволок проклятый.

– Это не простой волк, – кивнул Бремек. – Собак по следу пускали?

– Пробовали, – понурился старик, – боятся собаки. Был бы волк или даже медведь, не боялись бы.

– Точно, оборотень.

– Конечно, оборотень, – подтвердил Дорчик, – пропал кошелек, нож с ножнами, кое-какие мелочи.

– Нож? Хороший нож был?

– Рукоять и ножны серебром украшены. Родные перечислили, чего на месте нет... Серебро низкой пробы, но все-таки ценность... Да в этот раз добычу невеликую взял, бывало оборотень кого побогаче убивал, там сразу было видно – обобранные мертвецы.

Крестьянин стал неторопливо объяснять, что они чужого не возьмут, грех это. Он, дескать, головой готов поручиться: когда нашел телегу, серебро уже исчезло.

Бремек махнул рукой – мол, верю, потом снова прошелся по дороге, еще раз осмотрел место, где оборотень поджидал в засаде, наконец разрешил крестьянину проваливать.

– Что скажете? – осведомился Дорчик, когда старик ушел.

– Он разделся не здесь. Где-то рядом у оборотня тайник, там он превращается в зверя и бежит на охоту. Становится у дороги и ждет одинокого путника. Он не боится, просто не хочет, чтобы остались свидетели. Если на дорогелюдно, кто-то может успеть скрыться. А наш волк – матерый, опытный, действует продуманно, бьет наверняка. Он прыгнул из тех кустов, а там сидел довольно долго. На ветках и сейчас шерсть можно отыскать.

Дорчик глубокомысленно кивнул.

– Лошадь понесла, второй человек выпал из телеги, – теперь пришел черед Бремека тыкать пальцем. – Оборотень настиг его в два прыжка, а лошадь вырвалась. Но лошадь его не интересовала. Пока он в волчьем облике, животное ему не дастся, к тому же лошадь рискованно сбывать, могут узнать.

– Это верно, – вставил Дорчик, чтобы поучаствовать в разговоре, продемонстрировать внимание.

– А волк сперва наелся... надо сказать, на охоту тварь всегда идет голодной, с пустым брюхом. Так сподручней нападать. Так вот, сперва нажрался человечины, потом частично

обернулся, чтобы появились руки. Собрал добычу... я думаю, увязал как-то в мешок, что ли, чтоб не мешала. Мешок – на спину. А ушел снова волком. Собаки потому и боялись, что к волчьему запаху примешивается другой, это собак всегда пугает. Следа я сейчас не найду, время упущено, но, полагаю, уходил он через ручей. Есть здесь ручей поблизости? Конечно. Вошел в ручей волком, вышел человеком – и наверняка поблизости от тайника. Там переоделся... вот и все. Я думаю, таких тайников у него по всей округе немало приготовлено. Но настоящее логово не в лесу. Он уже слишком человек...

– Да в Раамперле он живет, – бросил Дорчик. – Это мы и сами понимаем.

– В самом городе? Как узнали?

– Мы наносили на карту точки, где нападал зверь, – пояснил рыцарь. – Получился круг. На всех дорогах, что ведут к Раамперлю, случались убийства, и расстояние от города примерно одинаковое. Мы уж и с купцами говорили, не встречалось ли чего из добычи душегуба. Спрашивали наших, местных, кого давно здесь знают.

– Это правильно, что местных. Оборотень может и купцом оказаться, но, конечно, из пришлых.

– Не совсем так, – решил возразить Дорчик, – убийства без перерыва случаются. Выходит, надолго тварь не отлучается, все время поблизости.

– Тоже правильно, – признал ловчий. – Еще поблизости есть что поглядеть?

– Хутор имеется неподалеку, там волк семью вырезал, – вздохнул рыцарь. – Дверь вышиб, засов толстенный пополам переломлен...

– Ладно, показывайте хутор. Потом вернемся в город, и я погляжу на карту с отметками... хочу увидеть, какой у вас круг около Раамперля вышел.

* * *

На заброшенном хуторе ловчий не обнаружил ничего неожиданного. Ну, сломанный засов – толстенный дубовый брус... ну, давно засохшие, впитавшиеся в древесину бурые россыпи брызг на потолке... ну, страшные рассказы о людях, разорванных в клочья. Конечно, зверь прикончил всех, даже ребенка. А почему «даже»? Ребенка убить легче, чем взрослого, а жалости для оборотня не существует. Какая жалость к добыче? Бремек слушал вполуха, а сам катал в голове мысли – за что зацепиться, где искать кончик путеводной нити, которая приведет к логову зверя?

Оборотень – не зверь, и не человек, и даже не нечто промежуточное. Эта порода совмещает черты тех и других, причем вбирает в себя самое пакостное, что есть в волках и людях. Он ловок, свиреп, жалости не знает, потому что убивает не свою породу. Он отчаянно жесток... хотя сам о том не задумывается, он уверен, что ведет себя естественно, – он знает, что и с ним обойдутся не лучше, если изобличат. Притом волк-оборотень нечеловечески осторожен, потому что всегда один, он неизменно держится настороже...

Людей он презирает и, когда принимает человеческий облик, цинично пользуется ловко подмеченными слабостями тех, среди которых проводит большую часть времени. Он по-человечески расчетлив, когда волк, и безжалостен, как дикая тварь, когда живет среди людей. Если он прикидывается купцом – то может быть льстивым, жестким или холодно отстраненным, но наверняка удачлив в торговле. Купец – тот же волк. Дурак стал бы искать волка среди охотников, наемных солдат или еще каких людей, чья профессия связана с убийствами. Нет, для оборотня это опасно – при виде крови он может не сдержаться и выдать себя. Зверя, конечно, следует искать среди купцов, самое волчье ремесло.

Но с чего начать? Все эти сломанные засовы, клочья шерсти, отпечатки огромных лап в разлитой крови – это не поможет напасть на след. Искать нужно в городе. Орденские братья верно подметили насчет круга около Раамперля – можно не сомневаться, они не ошибаются.

Большой город – именно то, что нужно зверю. Удивительно, что разговоры с купцами не дали зацепок. Эта братия всегда рада подсидеть кого-то из своих, должны бы заметить странности за удачливым конкурентом. Купцы – они, если вдуматься, похуже волков, среди их братии не действуют даже законы стаи.

Бремек решил, что непременно сам побеседует с теми, кого брат Астус считает заслуживающими доверия. Ловчий надеялся, что местные братья просто не умеют правильно задавать вопросы.

Видя задумчивость охотника, смолкли и провожатые. Бремек спохватился и рассеянно покивал – мол, здесь все понятно. Молчал он и на обратном пути. Когда кавалькада достигла пригородов, Дорчик не выдержал и поинтересовался, что может сказать прославленный охотник? Ясное дело, рыцарю предстоит докладывать брату Астусу, а сказать-то и нечего. Бремек только покачал головой – ничего значимого у него сейчас нет. Потом начались улицы, а говорить среди прохожих не годится.

По возвращении Астус расспросил ловчего. Главе представительства Бремек тоже ничего не сообщил, попросил снова собрать купцов для беседы. Рыцарь пообещал пригласить верных людей нынче же к вечеру и сказал, что сам будет присутствовать. Бремек не возражал – разговор с местными тоже станет частью плана доброго Архольда. Пусть и рыцарь слушает.

Купцов в представительство пригласили якобы на ужин. В зале накрыли стол – не такой богатый, как для магистра, но вполне приличное угощение. Кроме рыцарей ужинать сели шестеро гостей. Бремек понял, что присутствуют купцы, с которыми Орден постоянно имеет дело: торговец оружием, барышник, поставщики тканей и скобяных изделий. Мечи, кольчуги, белые плащи, лошади и упряжь – все это потребляется Орденом в немалом количестве, купцы заинтересованы в оптовом покупателе и всячески будут стараться угодить.

После того как прилично выпили за храбрых орденских братьев, борцов с Тьмой, и за успешную торговлю добрых людей, Астус представил купцам Бремека и объяснил, что этот добрый брат – прославленный охотник, которого прислал Дом Света, чтобы покончить с опасной тварью.

Ловчий удивил всех – он заговорил не о волке.

– Люди добрые, – начал Бремек, – мы, слуги Света, члены Ордена, противостоям слугам зла из всех сил. Я не сомневаюсь, что славные жители Раамперля были бы рады оказать нам помощь, но враг коварен, он умеет притвориться, надеть маску... Волка мы, конечно, изловим, особенно если вы окажете помощь. Но закончатся ли бедствия, когда не станет этого хищника?

Участники застолья притихли, удивленные таким поворотом, они не могли взять в толк, куда гнет ловчий. Тот огляделся и заговорил уверенней:

– Тварь – порождение Тьмы, ваш зверь наверняка сбежал из лаборатории Феттаха Повелителя Зверей. От Лордов Тьмы непременно исходит зло и смерть. Где гарантия, что на смену этому зверю не явятся десять? А сто?

Купцы пораженно замерли, кто-то порывисто вздохнул. Страшная картина – сотня оборотней!

– Феттах утверждает, что оборотни бегут вопреки его воле... – неуверенно возразил торговец скобяными изделиями, – а так-то Лорд – наш покупатель. С ним можно иметь дело.

Бремек нахмурился, и купец смолк и опустил глаза.

– Феттах – Лорд Тьмы, и этим все сказано, – строго произнес Астус. – Он и такие, как он, погребли Повелителя, чтобы самим беспрепятственно чинить зло.

– Именно так, – подхватил Бремек, – пусть он не солгал, и этот оборотень – беглец! Но для чего вообще Феттаху нужны столь опасные твари? С какой целью он их создает? А без Феттаха – кто совершает больше всего преступлений в Раамперле? Неужто свои, местные? Кто?

– Известно кто, северяне! – заволновались купцы. – Пришлые! Беженцы! Вечно голодные, на чужой кусок всегда зарятся!

– А можно ли винить беженцев, если их согнали с насиженных гнезд, превратили в скитальцев? – оглядел застолье Бремек. – Ведьма Севера гонит бури и метели на заселенные земли, лето становится коротким, урожаи тощими. Люди переселяются сюда не от хорошей жизни. Да и Ройнгард с его разбойниками – опасный сосед! Если бы покончить с Лордами как на севере, так и здесь, как бы славно оживилась торговля. Вместо разбойников и попрошайек на севере объявились бы поставщики и покупатели! Уничтожить Лордов – вот что было бы добрым делом, враз бы исчезли многие и многие беды Круга!

Купцы призадумались – да ведь было над чем! Большая война с Лордами – это крупные поставки оружия, лошадей и прочего. Что там борьба с Тьмой – слова Бремек возбуждали алчность поставщиков Ордена.

– Верные слова, – решил произнести вслух оружейник.

Остальные гости тут же подхватили... загомонили враз. Наконец спохватился барышник:

– Это ваша миссия, ваша – Ордена, воевать с Тьмой. А мы-то что?.. Что от нас зависит?

– Наши братья готовы выступить против Лордов, – твердо молвил Бремек, – да великий магистр не велит... мне трудно говорить об этом, но... Наш предводитель – старик, он великий герой и победитель Кордейла, но добрейший Могвид устал. Ему тяжело принимать решения. Он не хочет войны.

Купцы украдкой переглянулись. Бремек понял – дело сделано, и снова возвысил голос:

– Обращайтесь к капитулу Ордена с требованиями, убедите городской совет Раамперля в необходимости действия. Пусть ваш призыв станет обращением к Дому Света от лица всей местной общины. Обсудите и с приезжими то, что сказано сегодня за этим столом. Если весь Круг единодушно попросит защиты, тогда великому магистру придется согласиться. Требуйте, будьте настойчивы. Не ждите, что дело решится без вашего участия.

Бремек смолк и оглядел купцов и рыцарей. Теперь за столом поднялся шум. Торговцы предвкушали барыши, орденские глядели без энтузиазма, но не решались спорить. Из гостей больше всех волновался оружейник, кричал, что приказчики Алхоя Прекрасного Принца совсем обнаглели, привозят дешевое оружие, покупателей отбивают... Куда ни сунься, повсюду эти красные кафтаны! Только продают, а взамен не покупают, сплошное разорение! Их господину не требуется ничего, кроме рабов...

Ловчий слушал, кивал, а сам припоминал человека в красном – там, на невольничьем рынке. Как же эту девку, что орала? Элина! Хм, запомнилось имя. И этот торговец... ухмылялся. В голове Бремек забрезжила догадка. Он перехватил взгляд Астуса – тот был недоволен. В самом деле, незачем перегибать палку, решил охотник.

– Да, добрые люди, – громко произнес Бремек. – Они наших уведут в рабство, на смерть, да еще и торговле вредят. Куда ни кинь, все плохо. Но вернемся к нашему волку-оборотню. Мои слова вы запомните, обсудите между собой, спокойно, обстоятельно. Если согласны – начинайте действовать. А сегодня меня более всего заботит зверь.

Купцы постепенно успокаивались...

– Итак, зверь. Проницательный брат Астус верно установил – тварь прячется в городе. Где-то здесь имеет жилье, тратит деньги, сбывает добычу. И это не приезжий, он всегда здесь – нападения волка никогда не прекращаются надолго. Думайте, почтенные купцы, мне важно всякое ваше слово, любая, даже самая простенькая догадка. Говорите все, что приходит в голову, а уж там разберемся, что верно...

Купцы снова притихли и стали искоса поглядывать друг на дружку. Как всегда – требовалось, чтобы кто-то сказал первым.

– Ладно, я вам помогу начать, – решил Бремек. – Это человек, скорее всего, одинокий, у него собственный дом. Наверняка большие подвалы. Склад вне дома – это вряд ли, туда могут влезть воры, и случайно обнаружится что-то из добычи зверя. Выходит – подвал. Соседей рядом нет, потому что ночью, со сна, тварь может выдать себя невзначай. Завоет, в окне

покажется... в общем, живет на отшибе. Сам местный, но дела имеет с пришлыми купцами, потому вы и не видите волчьей добычи. Она уходит из города с чужими купцами. Но тех я не могу расспросить, потому что доверие – только вам. Ну?

Бремек говорил и говорил, купцы задумались над его словами, но ловчий уже не глядел, как затуманиваются их глаза и сплетаются пальцы, он вспомнил еще одну особенность зверя, говорить о которой не хотел. Очень уж страшно станет купцам, рассудок отшибет, если узнают. Поэтому охотник не сказал, что всякой иной еде волк предпочитает человечину. Единожды отведав этого мяса, хищник всегда предпочтет его другому... вместе с тем, в Раамперле люди не пропадают... как будто. Вслух же охотник сказал:

– Еще обратите внимание: волк ест мясо. Даже в человеческом облике он предпочитает плоть растениям. И, скорей всего, не пьет хмельного.

* * *

Разговором с купцами Бремек остался доволен. Пусть местные не поведали ничего, что могло помочь поимке зверя, но зато встреча немало способствовала исполнению воли доброго Архольда! Купцам запали в голову рассуждения о выгоде, какую сулит война с Лордами Тьмы. Вот пусть почтенные и озаботятся составлением жалоб и прошений на имя великого магистра Ордена. А с волком Бремек управится и без помощников...

Если бы он рассчитывал на помощь, никогда не преуспел бы в своем ремесле. Бремек стал великим охотником, потому что привык полагаться на собственное чутье, сообразительность и ловкость. Охотясь на зверя, он научился примерять на себя шкуру добычи, глядеть глазами зверя, мыслить, как зверь. Бремек заставлял себя доверять инстинктам, а не доводам рассудка, приучил собственную натуру отыскивать в потаенных глубинах древнюю логику хищника, лишенную всего человеческого, наносного. Он умел мысленно сбросить покров, которым цивилизация окутала животное естество. Сейчас ему следовало поставить себя на место оборотня, волка-одиночки среди людей. Что бы он сам предпринял, вырвавшись из логова Феттах Повелителя Зверей?

О тайном обиталище Лорда Тьмы было известно немного. Феттах поселился в лесу, среди любезных ему зверей. Неизвестно, служат ли ему люди... то есть в чащобах юго-запада есть людские поселения, тамошние жители – вассалы Феттах – несут Лорду Тьмы дань, поставляют то, чего не могут изготовить животные. Но лесным тварям Лорд доверяет больше, чем людям. Доподлинно известно, Феттах неустанно стремится привести в исполнение сокровенную мечту – вывести новую породу зверолодей, тогда он сможет и вовсе отказаться от общения с соплеменниками. Все, чего Повелителю Зверей удалось добиться, – воссоздать по старинным книгам оборотней... От такого соседства не было бы вреда обитателям Круга, но волкам-оборотням изредка удается сбежать от хозяина.

Бремеку приходилось иметь дело с этой проклятой породой, на его счету четыре пойманных твари, но зверь, что обосновался в Раамперле, превосходит всех прежних умом, свирепостью и силой. Ловчий прихватил на хуторе сломанный засов. Толстенная дубовая доска... такого будет непросто одолеть, тем более что загнанный в угол оборотень защищается отчаянно. Хорошо бы обложить его так, чтобы он не почувал, что окружен.

После ужина с раамперльскими торговцами ловчий засел в комнате, куда поселил добрый Астус, и не показывался наружу, даже обед велел приносить к себе. Он ни с кем не встречался, никого не хотел видеть – Бремек старательно воображал себя волком, который прячется в Раамперле. Из жилья охотник выбирался только по ночам, бродил по заснувшим улицам, иногда останавливался и, задрвав лицо к холодным звездам, принимался. Проводники из местных служителей Ордена следовали с факелами в отдалении и дивились странным охотничьим приемам знаменитого мастера. Бремек искал место, где он – одинокий волк – может чувство-

вать себя в безопасности. Окраины отпадали, там люди живут слишком кучно, и потому невозможно скрыть от соседей, что у тебя, мягко говоря, странные наклонности. Немного лучше предместья, но там фермеры держат домашний скот и птицу – твари непременно волновались бы, обоснуйся поблизости хищник. Тоже не годится. Постепенно круг поисков сузился – оставались богатые купеческие кварталы, базарные ряды да склады у речного порта. Большие просторные здания с обширными подвалами. Что касается богачей, то с ними непросто – у каждого слуги, семья. Они не живут в одиночку, особенно те, у кого большой дом. Чем обширней жилище, тем больше домашней работы.

Бремек велел помощникам и орденским солдатам проверить вдовцов, бобылей и старых холостяков – может, кто-то поселился в центре Раамперля недавно? Сам ловчий сосредоточился на рынке и складах. Сперва – берег. Ночные прогулки на замершую пристань ничего не дали. Мог бы найтись корабль, который долго стоит на приколе... оборотень не слишком любит глубокую воду, но мог бы устроить логово в трюме. Искали тщательно, но подходящего судна не нашлось. Теперь ловчий был почти уверен. Почти.

Сказать откровенно, догадка у Бремека появилась сразу... но он решил, что сперва тщательно проверит. Слишком уж просто – но с другой стороны, подобно зверю, который, не рассуждая, доверяет инстинктам, Бремек привык прислушиваться к собственным озарениям. В них-то и проявляется гений охотника. Слух, зрение, телесная ловкость, быстрота, знание повадок добычи – необходимые качества, но что отличает истинного художника от опытного ремесленника? Вот то-то и оно... Бремек считал себя гениальным, да, пожалуй, это было истиной. Чем дольше длились поиски, тем больше крепла уверенность: он уже видел оборотня, видел в тот самый день, когда приехал в Раамперль с добрым Хагнеем.

Работорговец, который продавал девушек слугам Алхоя Прекрасного Принца, – точно, он! Статью и ухватками вполне подходит, именно так мог бы выглядеть матерый оборотень в человеческой ипостаси. Бремек начал выяснять подробности – осторожно, чтобы не догадались даже те, кто доставлял ловчему сведения. Купец живет на рынке, там у него собственные склады, переоборудованные под тюрьму – учитывая специфику товара. Никуда не ездит, скупает оптом невольников у торговцев с севера, потом перепродает с небольшой выгодой в розницу. Если он в счет уплаты и отдает поставщикам что-то из добычи, то, вероятно, ставит условие – сбывать подальше от Раамперля. Те помалкивают, считая, что им достался ворованный товар. Потому и не всплывают вещички на местном рынке.

И еще одно: прежде Бремека удивляла выдержка оборотня. Зверь, приученный к человечине, обычно не может сдерживаться, нет-нет да и сорвется, нападет неподалеку от логова, хотя отлично понимает, как рискует. Зов крови сильнее рассудка, и самому матерому оборотню никогда не одолеть инстинкт. Между тем в городской черте не случилось ни единого нападения твари. Но если волк – работорговец, исчезновения одного-двух невольников не заметит никто. Даже товарищи по несчастью могут не знать, что случилось глухой ночью в соседнем бараче...

Все сходилось на сутулом мужчине, который продал девушку по имени Элина человеку в красном кафтане. Звали работорговца Грод.

* * *

Окончательно уверившись в волчьей природе Грода, ловчий решил еще раз наведаться на невольничий рынок. Теперь он посмотрит на работорговца иначе, не как на обычного обывателя, теперь Бремек будет видеть добычу. Трудную, опасную добычу. С собой охотник взял одного из подручных и парня из местного представительства по имени Кервин – того самого, что заподозрил в кривом охотнике собирателя. Парнишка был расторопный, сообразительный, и ему частенько поручали закупать на рынке всякую всячину для нужд братьев. Поэтому на рынке Кервин хорошо ориентировался.

Одного ловчего не отпустили бы, это Бремек понимал – Астус желал знать обо всем, что делает охотник, из первых рук. Так что против присутствия Кервина Бремек не возражал, считал – от молодого соглядатая несложно скрыть важное.

Вышли они поутру, Кервин сказал, что в этот час людей немного, торговцы только раскладывают товар. Сперва ловчий пожелал пройтись по овощным рядам, там было шумно и сустились фермеры – эти только подъезжали из пригородов и сейчас выпрягали лошадей. Они торгуют с возов, объяснил Кервин, поэтому в овощных рядах нет прилавков и лабазов.

На фермеров долго смотреть было незачем, орденские свернули в мясницкий ряд. Бремек и здесь не задерживался надолго. Вопреки распространенному мнению, оборотень в мясном ряду не появится. Вид и запах кровавого мяса может разбудить зверя, дремлющего под человеческой оболочкой. Так что эту часть рынка волк обойдет дальней дорогой. Кондитеры тоже не заинтересовали ловчего, и Бремек попросил проводить его к лавкам ремесленных цехов. Кервин легкомысленно болтал, парнишка любил поговорить. Он указывал, где продают ткани, где оружие и доспехи. Бремек рассеянно кивал, делал вид, что слушает, на самом деле он тянул время.

В оружейном ряду орденские задержались. Здесь Кервин чувствовал себя особенно уверенно, взалхлеб рассказывал, какими изделиями славится местный цех, а какие – привозные. Разумеется, лучшее оружие доставили из северо-западной четверти Круга. Соседство с владениями Ройнгарда Железной Руки способствует развитию единственной отрасли – оружейной. Мало-помалу Бремек стал слушать и даже заинтересовался кое-какими железяками. Особенно долго он рассматривал местное изобретение – арбалет с воротом. Простое оружие с крючьями, конечно, надежней, но эта конструкция показалась ловчему не лишенной достоинств.

Завидев интерес покупателей, купец стал подробно объяснять, какими преимуществами обладает его товар. Особенно упирал на то, что новым арбалетом может пользоваться всадник. Ловчий решил приобрести такой арбалет, потом услышал цену и снова призадумался... торговец подметил настроение гостя и пустился в пространные объяснения, какая отличная штука эти новые арбалеты, упирал на то, что экономить на оружии в наше беспокойное время – неразумно. Потом предложил пострелять на пробу. Позади прилавка между складов вел узкий проход – к стрельбищу.

Бремек покрутил ворот, посетовал, что заряжать долго, отыскал еще какие-то незначительные изъяны... ему хотелось уговорить купца сбавить цену. Оружие-то в самом деле приглянулось. Потом ловчий сделал несколько выстрелов. Бил почти не целясь, навскидку, с разворота – его болты раз за разом ударяли в массивный квадрат из толстых брусьев, служивший мишенью, и неизменно попадали близко к центру. Продавец только кричал, глядя, как незнакомец управляет с его товаром. Мастерство стрелка подействовало на оружейника лучше придинок. Он заявил:

– Я вам, мой господин, уступлю полтора рейкера, но вы взамен сделайте милость. Как станете стрелять из арбалета, да все будут ваше мастерство нахваливать, вы говорите, где и у кого такой отличный арбалет куплен. Вещичка новая, многим непривычная, так вы уж пособите ей добрую славу создать.

Бремек, разумеется, согласился – скидка существенная! Потом долго глядели кольчуги и шлемы, там ловчий ничего не выбрал. У охотника другой подход к снаряжению, боевые доспехи не интересуют. Зато помощник приобрел пару наручей с кольцами для крепления метательных ножей. Пока бродили и торговались, солнце поднялось, близился полдень, народу на рынке прибавилось.

Кервин повел в скобяные ряды. Здесь толпа была куда гуще, чем у лавок оружейников. Раамперль – мирный город, местные больше интересуются товарами, необходимыми в хозяйстве. Для дела именно здесь следовало бы глядеть внимательней, потому что в добыче оборотня

частенько проскакивала всевозможная мелочовка, какой торгуют в этом ряду, но Бремек не надеялся, что удастся отыскать улики. У него был собственный план.

Когда толпа сделалась особенно густой и покупатели стали орать во все горло, чтобы перекрыть друг дружку, ловчий подергал Кервина за рукав – иначе не привлечь внимания проводника в таком гвалте – и попросил:

– Не могу больше в этой суете! Давай зайдем туда, где тише!

– Да где же, куда?.. – Кервин растерялся. – Самая торговля в этот час...

– Вон там не так людно, идем! Передохну хоть немного.

Когда они оказались вдали от суеты в невольничьем ряду, Бремек пожаловался:

– Я к лесу привык, к тишине, чтоб людей вокруг не видно... Давай-ка здесь пройдем, я дух переведу. Мы ничего глядеть не станем, не по душе мне это местечко, да хоть ушам отдых дадим.

Кервин понимающе закивал, и они медленно двинулись вдоль клеток.

* * *

Как и в прошлый раз, клетки большей частью пустовали. Теперь Бремек разглядел как следует эти сооружения. Вместительные сооружения представляли собой прочные конструкции из толстых вертикальных брусьев, схваченных поперек более тонкими, но тоже прочными досками. Сверху клетки были крыты дощатым настилом. Просветы между досками были таковы, что узникам и думать нечего было о побеге, зато их несложно было пересчитать и даже кое-как оглядеть. Если купцу приглянется какой из невольников – товар можно заставить выйти наружу, и там уж его осмотрят тщательней. Под тряпьем и соломой, устилавшей дно, просматривались такие же мощные доски, как те, что образовывали стены. Проход между рядами клеток был достаточно широк, почтенные покупатели могли прохаживаться, не опасаясь, что грязный раб цапнет за одежду, вытянув руку между досок. Выставить наружу больше, чем руку, не позволяла ширина просветов.

Немногочисленные покупатели бродили в дальнем конце торгового ряда, там в клетках можно было разглядеть темные фигуры рабов. Бремек пошел не спеша, делая вид, что погружен в раздумья. Помощник, пользуясь тем, что здесь посвободней, принялся прилаживать на руку обновку. Охотник притворился, что его заинтересовала возня с наручами, а Кервину вдруг пришла охота поболтать.

– Скажите, брат Бремек, а разве главная задача Ордена – не борьба с Лордами Тьмы? Говорят, вы толковали об этом с нашими старшими?

Ловчий сдержал улыбку, но слова юнца обрадовали – отлично, проповедь дает всходы!

– Видишь ли, ты задаешь вопрос... и простой, и сложный одновременно. Главная задача – борьба с Тьмой, так будет верней. Со злом, со всем скверным. Для этого и был создан Орден.

– Но ведь ныне худшие слуги Тьмы... ну и всего плохого, в общем – это же Лорды? Шестеро? Ныне, когда Повелитель похоронен под Серым Камнем?

Беседуя, они приближались к хозяйству Грода, и ловчий, отвечая юноше, исподтишка начал приглядываться.

– Повелитель похоронен, но его можно освободить, – медленно проговорил Бремек, – так что собиратель опасней Лордов. Но пока собирателя не видно, Лорды, разумеется, наши главные враги.

Это все общие слова, подобные рассуждения орденская братия ведет постоянно, и ответ не стал для Кервина откровением. Бремеку не хотелось распинаться перед болтливым сопляком, чтобы не показаться чересчур озабоченным проповедями о войне со Спасителями Мира. Но и уклоняться не следовало – раз уж сам заводил эти беседы. Кервин не отставал:

– Так ведь если Лордов свалить, тогда и собиратель не сумеет исполнить свое дело?

– Само собой, – буркнул Бремек. Потом решил: – Конечно, было славным деянием сразиться с очередным Лордом. Двенадцать лет прошло после победы над Кордейлом, а что сделано? Да ничего, о чем можно сложить песню. Ох, не трави мне душу, парень... Ну ничего, вот вернется добрый Хагней, возьмем оборотня, хоть какая победа над Тьмой...

– А возьмем? – не отставал паренек.

– Конечно, – охотник постарался, чтобы его ответ прозвучал уверенно. – Добрый Хагней – он знаешь, какой? Он могучий человек! Великий воитель! С таким бы и на Лордов можно ударить. Но пока нам добрейший Могвид не велит – молчок!

Потом Бремек обернулся к помощнику, который возился с застежкой:

– Давай помогу, что ли.

Группа уже приблизилась к клеткам с рабами Грода, ловчий рассмотрел и торговца. Тот как раз показывал товар, и на прохожих не оглядывался. Покупатель, хотя и выглядел не слишком роскошно, держался гордо и разговаривал подчеркнуто громко. Должно быть, небогатый помещик, в потертой куртке, зато при мече. Торговца Бремек никак не мог рассмотреть, загромождала кряжистая фигура покупателя.

– Ну как же так, – огорчился помещик, – только один? Мне бы пару нужно!

– Да вон у меня трое, – тыкал пальцем в клетку торговец, – выбирай пару.

Бремек мельком, насколько позволяла клетка, оценил товар – один крепкий мужчина и двое старцев. Кажется, пожилые невольники совсем плохи.

– Как же, пару! Вон тот, чернявый, мне подходит, а стариков не возьму! У меня работать придется, лес валить, пни корчевать. Я новое поле огораживаю!

– Как скажете, мой господин. Мои поставщики придут на барках по Боделю дней через пять или шесть. Хотите, берите одного, а пару у кого-то еще подберете.

– Я привык у тебя брать... Ты не такой прижимистый, как остальные в этом городишке.

– Это верно... я к постоянному клиенту всегда с почтением. Лучше шульд-другой потеряю, да клиенту угодить сумею.

Тут орденские поравнялись с торгующейся парой. Бремек закончил возиться с наручем спутника и только теперь разглядел Грода как следует.

Тот ощерил крупные, хотя и вполне человеческие зубы и кивнул покупателю:

– Берите что есть, а потом сызнава наведаетесь. Я для вас парня покрепче придержу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.